

ЙОХАН КРОЙФФ

МОЯ ЖИЗНЬ

Иконы спорта

Йохан Кройфф

Моя жизнь

«ЭКСМО»

2016

УДК 796.332:929 Кройфф Й.
ББК 75.578

Кройфф Й.

Моя жизнь / Й. Кройфф — «Эксмо», 2016 — (Иконы спорта)

ISBN 978-5-699-93822-3

Автобиография одного из лучших тренеров мира, написанная им за три месяца до смерти. В ней вы найдете ответы на все вопросы, смешные истории и драматические повороты его непростой жизни.

УДК 796.332:929 Кройфф Й.
ББК 75.578

ISBN 978-5-699-93822-3

© Кройфф Й., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Хронология	6
Предисловие	11
Глава первая	13
Глава вторая	25
Глава третья	43
Глава четвертая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Йохан Кройфф

Моя жизнь

Johan Cruyff

MY TURN. THE AUTOBIOGRAPHY

Copyright © Johan Cruyff, 2016 © First published 2016 by Macmillan, an imprint of Pan Macmillan, a division of Macmillan Publishers International Limited

© Качалов А. А., перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Хронология

Клубная карьера

1964–1973	«Аякс» (319 матчей, 253 гола)
1973–1978	«Барселона» (184 матча, 61 гол)
1979	«Лос-Анджелес Ацтекс» (27 матчей, 14 голов)
1980–1981	«Вашингтон Дипломатс» (32 матча, 12 голов)
1981	«Леванте» (10 матчей, 2 гола)
1981–1983	«Аякс» (52 матча, 20 голов)
1983–1984	«Фейеноорд» (44 матча, 13 голов)

Международная карьера

1966–1977	сборная Нидерландов (48 матчей, 33 гола)
-----------	--

Титулы

«Аякс»:	Чемпионат Нидерландов 1966, 1967, 1968, 1970, 1972, 1973, 1982, 1983; Кубок Нидерландов 1967, 1971, 1972, 1983; Кубок европейских чемпионов 1971, 1972, 1973; Суперкубок Европы 1972, 1973; Интерконтинентальный кубок 1972
«Барселона»:	Чемпионат Испании 1974; Кубок короля 1978
«Фейеноорд»:	Чемпионат Нидерландов 1984; Кубок Нидерландов 1984

В КАЧЕСТВЕ ТРЕНЕРА

1985–1988	«Аякс» (Кубок Нидерландов 1986, 1987; Кубок обладателей кубков 1987)
1988–1996	«Барселона» (Чемпионат Испании 1991, 1992, 1993, 1994; Кубок короля 1990; Кубок европейских чемпионов 1992; Кубок обладателей кубков 1989)
2009–2013	сборная Каталонии

Индивидуальные награды

1971	«Золотой мяч»
1973	«Золотой мяч»
1974	«Золотой мяч» и приз лучшему игроку Чемпионата мира-1974

Знаменательные даты

1947 (25 апреля)	родился в Амстердаме
1957 (апрель)	присоединился к молодёжной системе «Аякса»
1959 (8 июля)	смерть отца
1964 (15 ноября)	дебютировал за первую команду «Аякса» и забил свой первый гол в проигранном клубу GVAV матче (3:1)
1965–1966	оформил первый хет-трик в карьере и забил 25 мячей за сезон; «Аякс» выиграл титул Эредивизи
1966 (7 сентября)	дебютировал в сборной Нидерландов в матче против Венгрии (2:2) в рамках квалификации к Евро-68 и сразу забил гол
1967 (6 ноября)	стал первым игроком в истории голландской сборной, получившим красную карточку
1966–1967	лучший бомбардир чемпионата с 33 голами в активе; футболист года в Голландии; «Аякс» выиграл Чемпионат и Кубок Нидерландов
1967–1968	футболист года в Голландии; «Аякс» стал чемпионом страны третий год подряд
1968 (10 декабря)	женится на Данни Костер
1969 (28 мая)	«Аякс» проиграл финал Кубка европейских чемпионов «Милану» (4:1)
1970	вернулся после травмы и начал выступать под 14-м номером; этот номер будет носить до конца профессиональной карьеры
1970 (29 ноября)	забил шесть голов по ходу разгромной победы над «АЗ'67» (8:1)
1971	признан футболистом года в Голландии и Европе; (2 июня) «Аякс» впервые в истории выиграл Кубок европейских чемпионов (2:1 в финале против «Панатинаикоса»); подписал 7-летний контракт с клубом
1972 (31 мая)	забил оба гола в финальном матче Кубка европейских чемпионов против «Интера» (2:0); также «Аякс» выиграл Межконтинентальный кубок

1973 (30 мая)	«Аякс» выиграл третий подряд Кубок европейских чемпионов (1:0 в финале против «Ювентуса»)
1973 (19 августа)	провел последний матч в составе «Аякса» перед переходом в «Барселону» за рекордную на тот момент сумму трансфера (около 2 миллионов долларов)
1974 (9 февраля)	у Кройффа родился сын Жорди; зарегистрировать ребенка пришлось в Амстердаме, так как в Испании имя «Жорди» находилось под запретом во времена режима Франко
1974 (17 февраля)	«Барселона» громит «Реал Мадрид» 5:0 на «Бернабеу» и выигрывает титул чемпиона Испании впервые с 1960 года
1974	вывел сборную Нидерландов в финал Чемпионата мира, который она проиграла сборной ФРГ со счётом 1:2; получил награду лучшему игроку турнира; в матче группового этапа против Швеции впервые продемонстрировал публике «разворот Кройффа»
1974 (декабрь)	футболист года в Европе
1977 (октябрь)	завершил карьеру в сборной
1978 (19 апреля)	«Барселона» выиграла Кубок короля (в финале побежден «Лас Пальмас» 3:1)
1978	сборная Нидерландов вновь доходит до финала чемпионата мира, где проигрывает Аргентине в дополнительное время (1:3); Кройфф на турнире не сыграл
1979	по совету Кройффа «Барселона» основала свою молодёжную академию – ЛаМасию

1979	перешёл в клуб «Лос-Анджелес Ацтекс»; получил награду лучшему игроку NASL
1980	перешёл в клуб «Вашингтон Дипломатс»
1980 (ноябрь)	вернулся в «Аякс», идущий в таблице на 8-м месте, в качестве технического советника; сезон «Аякс» завершает на втором месте
1981	перешёл в «Леванте» после того, как сорвался трансфер в «Лестер-Сити»
1981–1982	подписал контракт с «Аяксом» в качестве игрока; «Аякс» стал чемпионом Нидерландов
1983–1984	перешёл в стан принципиального соперника «Аякса» «Фейеноорд» после того, как «Аякс» не продлил с ним контракт; «Фейеноорд» сделал дубль, выиграв и чемпионат, и Кубок Нидерландов
1984	в пятый раз получил награду футболиста года в Голландии
1984 (13 мая)	завершил профессиональную карьеру
1985 (июнь)	присоединился к «Аяксу» в качестве технического директора (де-факто главного тренера команды)
1985–1987	«Аякс» выигрывает Кубок Нидерландов два года подряд
1987 (13 мая)	«Аякс» выиграл Кубок обладателей кубков (в финале обыгран «Локомотив Лейпциг» 1:0)
1988 (лето)	пришёл в «Барселону» главным тренером
1989 (10 мая)	«Барселона» выиграла Кубок обладателей кубков (в финале обыграла «Сампдорию» 2:0)
1990 (5 апреля)	«Барселона» выиграла Кубок короля

1991 (февраль)	лёт на операцию по коронарному шунтированию сердца
1992 (20 мая)	«Барселона» выиграла Кубок европейских чемпионов (1:0 в дополнительное время против «Сампдории»)
1993 (февраль/март)	«Барселона» выиграла Суперкубок Европы у бременского «Вердера» (3:2 по сумме двух встреч)
1991–1994	«Барселона» выигрывает Чемпионат Испании четыре сезона подряд
1996 (апрель)	уволен с поста главного тренера ФК «Барселона»
1997	основан Фонд Кройффа
1999	по итогам голосования признан лучшим футболистом Европы XX века, в голосовании за звание лучшего футболиста мира уступает только Пеле
1999	основан Институт Кройффа
2004	ФИФА включает его в список 100 величайших игроков мира из живущих
2009	открыт сотый Cruyff Court
2015 (октябрь)	Кройффу поставлен диагноз рак лёгких
2016 (24 марта)	умер в Барселоне в возрасте 68 лет

Предисловие

У меня нет дипломов колледжей и университетских квалификаций. Всё, чему я научился, я постиг благодаря опыту. После того как я потерял отца в 12-летнем возрасте, мою жизнь определял «Аякс». Сначала опосредованно, через моего отчима, который был служащим клуба, отвечавшим за состояние газона на стадионе; а позже моими тренерами Яни ван дер Венom и Ринусом Михелсом. Благодаря «Аяксу» я не просто стал более сильным и мастеровитым футболистом, я научился правильно себя вести.

Через своего тестя я приобретал опыт ведения финансовых дел. Когда я начинал карьеру, ни один футболист на планете никогда не слышал о маркетинге, а ведение бизнеса было чем-то абсолютно новым и незнакомым для меня. Но в мою жизнь вошёл человек, помогший мне с этим и подтянувший мои знания. Поскольку каждый раз, когда я решал, что могу всё сделать сам, всё тут же начинало рушиться. Это и не важно. Это часть жизни. В конечном итоге важно то, научил ли тебя чему-нибудь этот опыт или нет.

Я хочу подчеркнуть, насколько важна для меня семья. Не только родители, не только родственники жены, сама супруга, дети и внуки, но также все те люди, которые протянули мне руку помощи и привели в «Аякс» на том этапе моей жизни, когда я был очень хрупок и уязвим. Так что «Аякс» для меня тоже семья. Семья также повлияла на то, кем я являюсь сейчас. Благодаря ей я стал человеком с одним существенным недостатком, проявляющимся, когда речь заходит о футболе: я могу думать только о первом месте. Ни как игрок, ни как тренер я не способен делать что-либо на низком уровне. Я могу думать только в одном направлении: вверх. К лучшему из возможных исходов. Вот почему в конце концов мне пришлось остановиться. Я больше не имел той физической формы, которая требуется для того, чтобы быть на вершине, а как только наступает такой момент, делать на поле тебе больше нечего. Но так как в психологическом отношении я был ещё силён, я стал тренером.

КРОМЕ ВСЕГО ПРОЧЕГО,
Я ХОТЕЛ БЫ СКАЗАТЬ,
ЧТО МОЯ ЖИЗНЬ ВСЕГДА
ПРОЖИВАЛАСЬ МНОЙ
С ОДНОЙ-ЕДИНСТВЕННОЙ
ЦЕЛЮ – ДЕЛАТЬ СВОЁ
ДЕЛО ВСЁ ЛУЧШЕ
И СТАНОВИТЬСЯ
ВСЁ СИЛЬНЕЕ.

Кроме всего прочего, я хотел бы сказать, что моя жизнь всегда проживалась мной с одной-единственной целью – делать своё дело всё лучше и становиться всё сильнее. Ко всему, что я делал в своей жизни, я подходил именно так.

*Йохан Кройфф,
март 2016*

Глава первая

Командный игрок

Всё, что я когда-либо делал, я делал с прицелом на будущее, концентрируясь на прогрессе, а это означает, что о прошлом я думаю не слишком часто. Для меня это абсолютно естественно. Подробности матчей, в которых я сыграл, были описаны другими людьми множество раз и лучше, чем это мог бы сделать я сам: что меня интересует, так это футбольная идея. Постоянное стремление вперёд означает, что я могу концентрироваться на том, чтобы стать лучше во всём, чем занимаюсь, а в прошлое оглядываюсь лишь для того, чтобы оценить свои ошибки и понять, чему они могут меня научить. Эти уроки можно извлекать из опыта на разных этапах своей жизни, и ты вовсе не обязательно при этом понимаешь, как всё взаимосвязано, пока не становится поздно. Так что, несмотря на своё движение вперёд, я не всегда могу рассматривать прошлое как движение по прямой. Будучи игроком, я познал, что футболисту помимо всего нужны четыре вещи: хороший газон, чистые раздевалки, игроки, способные ухаживать за своими бутсами, и крепко натянутые сетки ворот.

Всё остальное – техника и скорость, финты и голы – придёт потом. Эта философия определяет моё отношение к футболу и к жизни. Я переносил её во всё, что делал: был ли это Тотальный футбол, который мы практиковали на поле, была ли это семейная жизнь или работа Фонда Кройффа – целью всего этого всегда были прогресс и стремление никогда не переставать становиться лучше.

Футбол был моей жизнью с самого начала. Мои родители были зеленщиками, у них была своя лавка в Бетондорпе, в нескольких сотнях метров от стадиона «Аякса» «Де Мер», что в Амстердаме, так что пришествие футбола в мою жизнь было неизбежно. Мой отец никогда не пропускал матчей «Аякса», и пусть свой талант я скорее всего унаследовал не от него, но зато он передал мне свою безусловную страсть и любовь к клубу. Говоря по правде, то, откуда взялся мой талант к футболу, – загадка. Я совершенно точно не перенял его от отца или деда, поскольку никогда в жизни не видел, чтобы они играли в футбол. Мой дядя, Геррит Драайер, брат моей матери, сыграл несколько матчей за первую команду «Аякса» на позиции левого вингера, но это было ещё в 1950-е, когда «Аякс» не входил в число самых знаменитых клубов Европы.

Отец рассказывал мне об игроках вроде Альфредо Ди Стефано, который всё знал о том, как нужно использовать свободное пространство поля, а также о Фасе Вилкесе, феноменальном дриблёре, блестяще обрабатывавшем мяч. Он начинал движение из центра поля и по пути обыгрывал четверых-пятерых соперников. Что-то невероятное. Вилкес играл за «Ксерк-сес» из Роттердама, после чего выступал за миланский «Интер», «Торино» и «Валенсию». Доигрывать он вернулся в Голландию. Тогда я осознал, чего голландский футболист способен достичь на поле. Но телевизора у нас тогда не было, иностранные команды мы видели редко, так что большую часть его карьеры я мог наблюдать его игру лишь изредка. Что же до Ди Стефано, то его я смог увидеть своими глазами только в 1962 году, когда его «Реал Мадрид» приехал в Амстердам на финал Кубка чемпионов.

Для меня всё началось с улицы. Местность, где я жил, прозвали «Бетонной деревней», она была частью эксперимента по возведению дешёвого жилья после Первой мировой войны. Дома предназначались для рабочего класса, а мы, будучи детьми, старались проводить за пределами дома как можно больше времени; сколько себя могу помнить, мы всегда играли в футбол – везде, где только могли. Тут я и начал думать о том, как недостаток можно обратить в преимущество. Научился понимать, что бордюрный камень не препятствие на самом деле, а партнёр для игры в «стеночку». И благодаря этому камню я смог отрабатывать технические

приёмы. Когда мяч отскакивает от разной поверхности под замысловатыми углами, ты должен уметь подстраиваться под него за секунду. На всём протяжении своей карьеры я часто удивлял людей тем, что бил или пасовал с таких углов, с которых они никак не ожидали подобного, но корни этого навыка уходят в детство, в то, как я играл, пока рос. Будет справедливым сказать то же самое и о равновесии. Когда падаешь на бетон, тебе, конечно, очень больно, и ты не хочешь испытывать эту боль вновь. Так что, играя в футбол, беспокоишься о том, чтобы не падать. Именно обучение игре таким образом, когда нужно всё время реагировать на происходящее вокруг, и наделило меня таким мастерством футболиста. Вот почему я – горячий сторонник того, чтобы молодёжь играла в футбол без шипов. Тренируясь в шипованных бутсах, они теряют многие часы тренировок на улице, многие часы постижения искусства держать равновесие и не падать. Дайте им обувь с плоской подошвой и поможете им лучше держать баланс.

Дома у меня жизнь была довольно примитивной, но мне было всё равно. Я вырос в тёплой семейной обстановке. Спал в той же комнате, что и мой брат Хенни, который старше меня на два с половиной года. В молодом возрасте такая разница очень велика. Но я играл в футбол так часто, как только мог, он жил своей жизнью, а я своей.

Я во многом смесь своих родителей. Социальные навыки у меня от матери, а хитрость от отца, я определённо хитрый человек. Я всегда ищу возможность получить преимущество, прямо как мой отец Манус. Он был шутником. У него был стеклянный глаз, и он постоянно предлагал людям сыграть с ним на спор в игру – кто дольше сможет смотреть на солнце. Он закрывал рукой свой здоровый глаз, а стеклянным смотрел на солнце примерно минуту, после чего забирал выигрыш – по пять центов с каждого пари. Моя мама Нел была очень общительной. В её понимании всё крутилось вокруг семьи. У неё было девять братьев и сестёр, так что вдобавок к девяти дядьям и тёткам у меня были дюжины кузенов. Плюс этого в том, что каждый раз, когда случалось что-нибудь плохое, кто-нибудь обязательно приходил на помощь. Один из родственников разбирался в печках и обогревателях, другой хорошо рисовал, и так далее – всегда можно было обратиться к кому-нибудь в случае возникновения проблемы. Но когда дело доходило до футбола, я оставался сам по себе – казалось, что интерес к этой игре обошёл стороной всех моих родственников.

Я ходил в школу имени Груна ван Принстерера в Амстердаме, она была христианской, хотя меня не воспитывали в христианской вере, а поблизости были и светские школы. В церковь я ходил лишь для того, чтобы выполнить обязательство перед отцом, и когда я спрашивал у него, зачем мне надо каждый раз нести в школу Библию в рюкзаке, он отвечал: «Йохан, в ней рассказаны хорошие истории. Я стараюсь по максимуму дать тебе знания по этой теме, чтобы в будущем ты смог для себя решить, что с ними делать».

Даже в школе я хотел играть в футбол, и с самого раннего возраста я стал «известен» как мальчик с мячом. Каждый день я приносил с собой в класс мяч, клал его под парту и катал его от ноги к ноге на протяжении всех уроков. Иногда учителя выгоняли меня, потому что я доставлял им слишком много хлопот. Я делал это инстинктивно, так что даже не осознавал, что мои ноги постоянно заняты перекачиванием мяча слева направо. Помимо этого пребывание в школе мало что дало мне, хотя от школьных времён у меня остались воспоминания о том, что я никогда не прогуливал. Пусть я и не жаждал знаний, я понимал, что ходить в школу моя обязанность, и выполнял её до тех пор, пока не стал достаточно взрослым, чтобы решить для себя, что я больше этого делать не хочу.

На контрасте свой первый день в «Аяксе» я помню так отчётливо, словно он был вчера. Год был, кажется, 1952-й, значит, мне было около пяти лет. Отец спросил у меня, не хочу ли я вместе с ним заняться доставкой корзин с фруктами игрокам, которые были больны или травмированы, я сказал «да» и поехал вместе с ним на велосипеде в клуб, пребывая в состоянии сильного возбуждения, ведь мне предстояло впервые отворить двери в него и оказаться

не просто на трибунах, а прямо там. Тогда же я повстречал Хенка Ангеля, друга моего отца, работавшего в клубе и ухаживавшего за газоном стадиона. Хенк спросил у меня, не хочу ли я ему помочь, и я согласился, а на следующий же день приступил к работе. Так, в пятилетнем возрасте началась моя жизнь в «Аяксе». Детство я вспоминаю с радостью. Я не знал ничего, кроме любви. Как дома, так и в «Аяксе». Именно благодаря дяде Хенку, позволявшему мне заниматься самой разной работой на стадионе, когда газоны только укладывали или, наоборот, закрывали на зиму (потому что на них становилось невозможно играть), я стал проводить так много времени в клубе. В качестве награды мне позволялось играть в футбол в холле или на главной трибуне. Кроме того, летние каникулы я проводил в доме Аренда ван дер Веля, форварда «Аякса», ставшего другом нашей семьи. Он только перебрался тогда из «Аякса» в «Спортклуб Энсхеде» и вёл приятную размеренную жизнь в деревне. Там я впервые получил уроки вождения автомобиля – в возрасте семи-восьми лет Аренд сажал меня к себе на колени на водительское сиденье, и мы катались. Также в «Спортклубе Энсхеде» я познакомился с Абе Ленстрой, блестящим форвардом, который только перебрался туда из «Херенвена». В те дни он был иконой, настоящим кумиром. Я даже как-то раз попинал с ним мяч на тренировке, и этот опыт вышел совершенно особенным для меня. Но большей частью Абе запомнился мне тем, что везде и всюду появлялся с мячом.

**ДАЖЕ В ШКОЛЕ
Я ХОТЕЛ ИГРАТЬ
В ФУТБОЛ, И С САМОГО
РАННЕГО ВОЗРАСТА
Я СТАЛ «ИЗВЕСТЕН»
КАК МАЛЬЧИК
С МЯЧОМ.**

В раннем детстве я много виделся с дядей Хенком, особенно после смерти его жены, так как он часто обедал у нас дома. За столом я, затаив дыхание, слушал его рассказы об «Аяксе». В те же времена, когда я был ещё совсем мал, Аренд ван дер Вель тоже присоединился к нам за обеденным столом. Тогда он ещё был молодым игроком первой команды и жил в северной части Амстердама, которая находилась слишком далеко от работы, чтобы он успевал заехать домой перед вечерней тренировкой, поэтому обедать он предпочитал у нас. Таким образом, с очень раннего возраста я не только стал проводить всё своё свободное время на стадионе «Аякса», но также получил возможность в буквальном смысле ощущать присутствие клуба в нашем доме, и всё благодаря дяде Хенку (как мы продолжали называть его даже после смерти моего отца и его последующей женитьбы на моей матери) и Аренду. С пятилетнего возраста я знал всё о том, что творилось в клубе, начиная с раздевалок команды и кончая основным составом. Я день за днём часами выслушивал их рассказы, впитывая все слова, как губка.

Как только я достаточно подрос для того, чтобы самостоятельно бегать и играть в футбол с друзьями на улице, стадион «Аякса» стал для меня вторым домом. Я проводил там каждую свободную минутку, и никогда не покидал дом без футбольного мяча. С пятилетнего возраста я стал ходить вместе с дядей Хенком на стадион, чтобы помогать ему там, и всякий раз, отправляясь туда, я брал с собой сумку с бутсами и экипировкой. Никогда не знаешь, когда команде может понадобиться дополнительный игрок для тренировочного матча, и часто мне везло, хотя обычно меня пускали играть исключительно из чувства сострадания. Я был кожа да кости, выглядел как креветка, и они жалели меня, а это означало, что я – даже несмотря на то, что не играл даже за молодёжную команду клуба и вообще не должен был там появляться – играл с первой командой «Аякса» с очень раннего возраста. Эта ситуация послужила ещё одним доказательством правильности постулата, в который я всегда верил и веру в который всегда старался передать другим: свой недостаток, коим для меня был мой внешний вид тощего и костлявого мальчишки, всегда можно обратить в преимущество.

Меня часто спрашивали о том, какое воспоминание от игровой карьеры отложилось у меня в памяти ярче всего. Честно говоря, я не помню очень многих деталей, не помню даже подробностей своего первого гола на домашней арене «Аякса», забитого после того, как я уже стал профессиональным игроком. Однако очень отчётливо я помню другое: первый раз, когда меня выпустили на поле на забитом под завязку стадионе. Тогда я ещё не был футболистом, мне дали вилы, чтобы я проверил почву около ворот. Мне было лет восемь, отец ещё был жив, а я ещё даже не числился в клубе, но стоял прямо там, на поле, на глазах тысяч зрителей, заполнивших стадион, и помогал первой команде чем мог, пытаясь привести газон в идеальное для неё состояние. Такое не забывается. Воткнув вилы в газон, я почувствовал ответственность на своих плечах: я должен был сделать всё, чтобы мои герои играли на покрытии идеального качества. Как человек, игравший в футбол, тренировавший игроков в футбол, смотревший футбол, размышлявший о нём всю жизнь, могу с уверенностью сказать, что столь ранний опыт помог мне научиться справляться с задачами, познать важность поддержания такого рода стандартов и повлиял на моё становление как личности. После завершения карьеры игрока и тренера я организовал Фонд Кройффа, который помогает детям получить шанс играть в футбол профессионально. При его создании мы составили список из четырнадцати правил, которые люди обязаны чтить и уважать. Под номером два в списке были ответственность и уважительное отношение к полю и людям, и важность следования этому правилу открылась мне именно в тот период моей жизни. Как я уже говорил, все свои жизненные уроки я выучил в «Аяксе».

И хотя я был довольно посредственным студентом, с раннего возраста мне очень нравились цифры. Нумерология меня очень интересует. Так, к примеру, я женился на Данни на второй день 12-го месяца, декабря. Два плюс двенадцать равняется номеру на моей спине: 14. Годом нашей свадьбы был 1968-й, шесть плюс восемь тоже даёт 14. Неудивительно, что мы до сих пор вместе после 48 лет совместной жизни: наш брак был вдвойне удачен. То же самое

могу сказать и о своём сыне Жорди. Он родился в 1974-м, а я в 1947-м. Сложишь вместе обе цифры в этих датах и получишь 11. День рождения у него 9 февраля, а у меня 25 апреля. Девять плюс два и два плюс пять плюс четыре. И так, и так выходит 11.

У меня даже неплохо получается запоминать телефонные номера. Другим достаточно лишь раз сказать мне свой номер, и я уже никогда его не забуду. Может, именно по этой причине я так хорошо умею считать в уме. Я научился этому не в школе, а в лавке своих родителей. Когда отец занимался доставкой продуктов, а мама готовила еду, я оказывал помощь покупателям. Но тогда я ещё был слишком мал, чтобы доставать до кассы. И потому я учился считать в уме, а поскольку у меня отлично получалось это делать с очень раннего возраста, я быстро поддался чарам цифр, и с того момента, как мне кажется, и началось моё увлечение ими. Думаю, что отчасти именно по этой причине, по причине любви к цифрам и познанию мыслительных процессов, стоящих за многими вещами и явлениями, я начал чаще задумываться о значении цифр в футболе – стал чаще размышлять о том, как можно получить преимущество над соперником, как лучше работать со свободным пространством, как это делал Ди Стефано. Так что благодаря родителям я не получил футбольных талантов, но зато научился смотреть на футбол иначе.

Что касается физической подготовки, которая требовалась от меня как от футболиста, то я могу сказать, что всегда испытывал огромное отвращение к бегу по пересечённой местности и медицинским мячам, что нам приходилось использовать во время тренировок в спортзале. Когда я играл в первой команде «Аякса», Ринус Михелс отправлял нас в лес бегать, и я каждый раз старался убежать так далеко, как только мог, чтобы потом спрятаться за деревом и прождать там возвращения команды – в надежде, что по пути никому не придёт в голову пересчитать всех игроков по головам. Какое-то время эта тактика работала, пока Михелс не узнал, что к чему. В качестве наказания мне пришлось в восемь утра выходного дня проводить дисциплинарную тренировку на нашем лесном маршруте. Михелс приехал точно в назначенное время. Он сидел за рулём в пижаме и, опустив окно, сказал мне: «Тут слишком холодно, я поеду домой, в тёплую кровать». И уехал, оставив меня одного, униженного.

Официально я присоединился к молодёжной системе «Аякса» в 1957 году, в возрасте 10 лет. Когда я пришёл в клуб, я был очень тощим и уверен, что, если бы я пришёл записываться в «Аякс» сейчас, меня бы заставили выполнять целую кучу самых разнообразных упражнений, чтобы проверить мою готовность. Но тогда ничему такому меня не подвергали, и это хорошо, иначе бы я быстро возненавидел тренировки. Единственное, что я сделал, это попросил маму чаще готовить мне зелёные бобы и шпинат, потому что они богаты железом. Что же до всего остального, то я просто продолжил делать то, что делал всегда: всё свободное время уделял игре в футбол, будь то клуб или улица, где я играл с друзьями. Для меня важным всегда была не просто игра в футбол, а получение удовольствия от неё.

Позднее, когда я тренировал в «Аяксе» Франка Райкарда, я заметил, что на тренировках на пересечённой местности он пытается проворачивать такие же хитрые трюки, что и я сам в молодости: всякий раз он притворялся, что его мучает кашель и он не может бежать. Обычно игроков разделяли на две группы, и одна следовала за другой. Он всегда вливался в состав второй группы, отставал от партнёров, а затем присоединялся к первой группе, шедшей уже на второй круг. Таким образом он пробегал на круг меньше всех остальных. Никто из тренеров этого не замечал, а я заметил. И получил от этого огромное удовольствие. Конечно, потом я ему всё рассказал, но, когда узнал, не мог не рассмеяться от всей души. Мне нравятся такие хитрости, это всё от отца, хотя, по правде говоря, в моём характере очень много чего от мамы. Позже, когда я начал встречаться с Данни, я иногда хотел задержаться подольше и провести с ней больше времени, чем отпускал мне Михелс. Вечерами он всегда разъезжал по Амстердаму и проверял, все ли игроки припарковали свои машины около домов или кто-то отсутствует. Однажды я одолжил машину у отчима, а свою оставил припаркованной у дома. Михелс запо-

дозрил неладное и на следующий день пригрозил мне штрафом. Я тогда ещё жил с родителями и потому сказал: «Просто позвоните моей маме, она скажет, что я был дома». Он так и сделал, а она мне подыграла, так что Михелсу пришлось снять свои обвинения, а мы с мамой потом от всей души посмеялись над этой историей.

Когда я играл за детскую команду «Аякса» в 12-летнем возрасте, моим тренером был Яни ван дер Вен, и он учил меня не только футболу, но и общим жизненным ценностям и правилам поведения. Он был первым человеком в «Аяксе», научившим меня всегда выбирать курс и держаться его до конца. Кроме того, он был живым примером того, как жизнь в «Аяксе» компенсировала мне образование, которое я недополучил в школе. Яни всегда работал только с молодёжными командами, но идеи, которые он применял в работе, он разрабатывал вместе с Джеком Рейнольдсом – прозорливым англичанином, занимавшим пост главного тренера «Аякса» в 1940-е и заложившим фундамент Тотального футбола, который мы дальше отстраивали уже сами, – и знакомил с ними нас. Именно Яни учил нас играть в игры, в ходе которых мы могли работать над ошибками, чтобы тренировочные сессии получались креативными и интересными. У Михелса мы учились дисциплине, но веселье нам дарил Яни. Когда я сам стал тренером, я решил взять его идеи на вооружение в работе с «Барселоной». Как я всегда говорил: если ты занимаешься футболом, помни, что это не работа. Тренироваться ты должен усердно и много, но нельзя забывать и об удовольствии от игры.

Когда я был игроком молодёжного состава, моими тренерами были Вик Бэкингом, тренировавший первую команду до прихода Михелса, Кит Спёрджен, тоже успевший поручовать первой командой в течение одного сезона, и, что самое важное, Яни ван дер Вен, тренер молодёжной команды. Ван дер Вен всегда настаивал на том, чтобы мы проводили специализированные тренировки, в которых центральную роль играли пять фундаментальных элементов. Матчи всегда чередовались с этой основной тренировкой и развитием пяти базовых элементов игры в футбол: ударов по воротам, ударов головой, дриблинга, игры в пас и контроля мяча. Так что мы всё время возились с мячом. Такой подход к тренировкам всегда оставался для меня стандартом. Благодаря ему я осознал, что самый лёгкий путь зачастую сложнее всего. Потому умение сыграть в одно-единственное касание я считал высочайшим уровнем технического мастерства. Но чтобы идеально коснуться мяча один раз, нужно сотни раз касаться его на каждой тренировке, и именно этим мы занимались всё своё время. Такой была школа мысли в «Аяксе», который в будущем начнёт выпускать игроков, чей технический уровень достигал уровня лучших футболистов мира. И всё благодаря внешне простым тренировкам на технику, к которым нас приучали такие люди как ван дер Вен.

Но он был не единственным. Кое-чем я обязан и Вику Бэкингу, который дал мне возможность дебютировать в первой команде, когда мне было 17. У него было двое сыновей моего возраста, они тогда ещё только обживались в Амстердаме, а так как моя мама подрабатывала уборщицей в доме семьи Бэкингем, я часто бывал у них в гостях, где учил английский язык. Я освоил его не в школе, а благодаря активному общению с семьёй Бэкингем. Это было очень по-аяксовски – приглядывать за молодёжью в команде и следить за тем, чтобы она вела себя подобающим образом. А из всех футболистов, выступавших за первую команду, когда я только начал в неё вызываться, именно Пит Кейзер взял меня под своё крыло. Он был почти на четыре года старше меня, и к тому времени, как я начал привлекаться в первую команду, он уже выступал за неё на протяжении трёх сезонов. «Аякс» тогда только начал предлагать профессиональные контракты игрокам, и Пит был первым, кто получил от клуба официальное предложение. Я был вторым, и тогда я заметил, что Питу я нравлюсь. К примеру, он всегда следил за тем, чтобы я был дома в половину девятого вечера, чтобы избежать штрафа или другого наказания от Михелса.

МНЕ БЫЛО ЛЕТ ВОСЕМЬ,
А Я ЕЩЁ ДАЖЕ НЕ
ЧИСЛИЛСЯ В КЛУБЕ,
НО СТОЯЛ ПРЯМО ТАМ,
НА ПОЛЕ, НА ГЛАЗАХ
ТЫСЯЧ ЗРИТЕЛЕЙ,
ЗАПОЛНИВШИХ
СТАДИОН.

И хотя Бэкингом пригласил меня в первую команду, именно с Михелсом, пришедшим в команду в 1965 году, у меня установилась совершенно особенная связь. Михелс служил своего рода щитом, защищавшим команду от членов клубного руководства, и такая структура в клубе была совершенно непрофессиональной. Когда Михелс пришёл в клуб, мы почти скатились в самый подвал таблицы. Он пытался защищать нас от всего, что происходило за пределами поля, чтобы единственным, на чём мы концентрировались, была игра и стремление научиться лучше её понимать и освоить. Именно он вывел «Аякс» на вершину элитного футбола. Связь, которая установилась между нами в «Аяксе», трудно описать словами, поскольку Михелс стал частью моей жизни и за пределами клуба. Много лет спустя, когда у меня самого уже появились дети, он нарядился в Санта-Клауса на детскую вечеринку в нашем доме. Но моя дочь Шанталь узнала его. Я до сих пор слышу, как она говорит: «Эй, ты никакой не Санта, ты дядя Ринус!»

Мне было 18 лет, когда Михелс возглавил команду, я был самым молодым её футболистом, но он все равно отводил меня в сторону и обсуждал со мной тактику. Ни с кем другим он этого не делал, и благодаря таким разговорам у нас установилась наша особая связь. Мы говорили о том, как можно стать лучше, поступая так или эдак, и теперь я понимаю, что в тех разговорах мы развивали идеи, сформировавшие тот уникальный стиль, который начал выделять «Аякс» в конце 1960-х, когда все остальные клубы играли так же, как играли всегда. Он объяснял мне, как хочет играть и что нужно делать, если что-то идёт не по плану. Хенк Ангель,

Аренд ван дер Вель, Яни ван дер Вен, Ринус Михелс, Пит Кейзер и многие другие помогли мне стать тем, кем я в итоге стал. В важные моменты моей жизни они также помогали мне и за пределами поля. Но именно Михелс возил меня к доктору после того, как умер мой отец, и у нас дома не стало машины. Позднее между мной и Михелсом случались и менее приятные инциденты, но они никогда не могли бросить тень на образ человека, который поддержал меня и помог мне, когда я, будучи очень молодым, сильно в этом нуждался.

Мой отец умер в 1959 году, когда ему было 45, а мне двенадцать. В тот день я получил сертификат об окончании начальной школы, и во время праздника по этому случаю я узнал новости о его смерти. После этого «Аякс» стал играть ещё более важную роль в моей жизни, потому что дома больше не было отца, к которому я мог обратиться с вопросом или просьбой. Мы узнали, что он умер в результате сердечного приступа, причиной которого стал слишком высокий уровень холестерина в крови. Мысли о его смерти никогда не отпускали меня, и чем старше я становился, тем сильнее было ощущение, что и меня ждёт та же судьба. Долгие годы я думал, что не доживу и до пятидесяти. Так что я не очень-то удивился тому, что у меня обнаружили проблемы с сердцем примерно в том же возрасте, в каком они открылись у отца, — я тогда тренировал «Барселону», — поскольку я себя более-менее подготовил к ним. Разница была только в одном, но она оказалась очень существенной — тридцать лет спустя после смерти отца медицина и совершённый ею прогресс смогли-таки спасти от этой же участи меня.

Мой отец, как и мать, покоится на восточном кладбище Амстердама, расположенном вблизи старого стадиона «Аякса». Прошло совсем немного времени с его похорон, а я уже начал мысленно разговаривать с ним всякий раз, когда проходил или проезжал мимо на велосипеде или машине мимо кладбища. Я делал так ещё очень долгое время после его смерти. Сначала я говорил с ним о школе, потом, когда уже стал играть за «Аякс», говорил с ним по большей части о футболе: жаловался на то, каким скотом оказался какой-нибудь арбитр, рассказывал, как забивал свои голы, всякое такое. За годы темы наших «разговоров» изменились, но сами разговоры не прекращались никогда. Я шёл к нему за советом всякий раз, когда предстояло принять тяжёлое решение в жизни. «Так что думаешь об этом, пап?» На следующее утро я просыпался и уже знал, что нужно сделать. Понятия не имею, как это срабатывало, но он всегда помогал мне, когда мне нужно было принять решение, и после каждого такого разговора я уже в точности знал, как правильно поступить.

Один такой момент случился, когда мне шёл третий десяток, я всё ещё жил в Амстердаме, недавно женился и уже регулярно играл за первую команду «Аякса». Всё вроде шло хорошо, но в то время в «Аяксе» случалось много ссор и конфликтов, меня одолевали сомнения касательно целого ряда вещей, я тогда даже начал сомневаться в «помощи», которую, как казалось, до сих пор оказывал мне отец. Я не очень религиозный человек, так что я стал задумываться о том, как так получалось, что он мне помогает. В конце концов, никто и никогда ещё не возвращался из мёртвых. Тогда я решил немного «озадачить» своего отца. Я попросил его останавливать мои часы всякий раз, когда он поблизости, в любой возможной форме, чтобы таким образом он показал, что действительно рядом и может слышать то, что я ему говорю. Может, это было совпадением, но на следующее утро мои часы встали. Мой тесть был владельцем часового магазина, и часовщик, работавший у него, осмотрел мои часы в тот же день, не нашёл никаких проблем в механизме, и вскоре они снова пошли. На следующее утро история повторилась — часы снова встали. Я вновь отправился к часовщику, и снова он не смог найти никаких неполадок. В тот вечер я сказал отцу, что он убедил меня, что я верю, что он действительно рядом и слышит всё, что я говорю, и с того дня мои часы всегда ходили без проблем и никогда не останавливались. Я ношу их каждый день.

В первые месяцы после смерти отца моей матери приходилось искать источник заработка, и так как моя семья имела тесную связь с «Аяксом» через отца, дядю Хенка и меня самого, всё время ошивавшегося на территории клуба, «Аякс» стал заботиться о нас и помо-

гать. Сначала они устроили её на работу уборщицей обслуживать дома английских тренеров, работавших в то время с «Аяксом», что позволило мне познакомиться с семьёй Бэкингом. А потом клуб предложил ей убираться и в раздевалках команды. Несколько лет спустя, когда моя мать вышла замуж за дядю Хенка, ставшего для меня вторым отцом и продолжавшего трудиться в клубе, моя связь с «Аяксом» укрепилась и оформилась окончательно.

Даже несмотря на то, что мать теперь зарабатывала деньги, у нас не хватало средств на то, чтобы ездить в отпуск, так что весь год я проводил обычно на «Де Мере», даже после окончания регулярного сезона. Какой бы месяц ни стоял на дворе, я всегда был на стадионе и играл в футбол. Летом, когда футбольный сезон завершался, в «Аяксе» играли в бейсбол, и я делал большие успехи в этой игре. Кетчером я даже выступал за сборную Нидерландов по бейсболу, но это продолжалось до тех пор, пока мне не исполнилось 15. Также я был первым бьющим, но я был так мал, что соперникам никогда не удавалось подать три страйка. Так что зачастую следовало четыре неправильные подачи, и я занимал первую базу без боя.

Бейсбол позволял мне концентрироваться на множестве разных деталей, которые в будущем оказались очень полезными применительно к футболу. Будучи кетчером, ты всегда оцениваешь бросок питчера, потому что он в отличие от тебя не имеет возможности видеть всё поле целиком. Я понял, что нужно знать, куда бросишь мяч, ещё до того, как он к тебе прилетит. Это означало в свою очередь, что ты должен видеть и оценивать всё пространство вокруг себя и знать, где находится каждый игрок, ещё до того, как совершишь бросок. Ни один футбольный тренер никогда не говорил мне, что я должен знать, куда буду делать передачу, ещё до того, как получу мяч. Но позднее, уже когда я стал играть в футбол профессионально, уроки, выученные при игре в бейсбол – концентрация внимания на всём окружающем пространстве, – воскресли в моей памяти и стали моей сильной стороной. Бейсбол из тех видов спорта, которые способны открыть талант тренировками, поскольку у него много параллелей с футболом. К примеру, их объединяют такие понятия, как стартовая скорость, скольжение, понимание пространства вокруг себя, а также необходимость думать на шаг вперёд и много чего ещё. Это те же принципы, которым следует «Барселона», оттачивающая высокий уровень контроля мяча и культуру паса посредством таких упражнений, как *rondo*, являющегося основополагающим элементом стиля тики-така.

**В НАШИ ДНИ ТРУДНО
ОСОЗНАТЬ ТОТ ФАКТ, ЧТО
«ЗВЁЗДНОМУ ИГРОКУ»
КОМАНДЫ ПРИХОДИЛОСЬ
ТАСКАТЬ ДОМОЙ ГРЯЗНУЮ
ФОРМУ, ЧТОБЫ ЕЁ
ПОСТИРАЛА ЕМУ МАМА.**

Я знаю наверняка, что в моём случае уроки бейсбола оказались очень полезными, так как я продолжал и дальше углубляться в бейсбол и, уже будучи тренером, мог успешно переносить многие актуальные для бейсбола рекомендации в футбол. То же касается и необходимости думать заблаговременно, и этому меня тоже научил бейсбол. В обоих видах спорта ты постоянно занят принятием решений в ограниченном пространстве, ты постоянно рискуешь ошибиться и вынужден действовать за доли секунды. Чтобы быть успешным в бейсболе, ты должен уметь сокращать расстояние между раннером и «домом» и доставлять туда мяч раньше, чем туда прибежит раннер. Также бейсбол рассказал мне о важности тактики – о том, как важно принять правильное решение и исполнить его технически верно. Только много позже я собрал все эти знания воедино, чтобы создать собственное видение того, как следует играть в футбол. Я впитывал все эти уроки, но в то время не видел всей картины целиком. Тогда я был просто мальчишкой, который каждую минуту каждого дня возился с мячом.

Период моих выступлений за молодёжную команду «Аякса» – с десятилетнего возраста до дебюта в первой команде в 17 лет – был замечательным временем, потому что на кону не стояло ровным счётом ничего. Все помогали мне стать лучше, а мне только предстояло чего-то добиться на этом поприще. Только много позже я начал думать и рассуждать о тактике – сначала как игрок, потом как тренер, только потом я осознал важность того, что мне открывалось, и только потом стал связывать вместе происходящее у меня на глазах, скажем, в игре против мадридского «Реала», с тем, что я переживал ещё в детском возрасте. А поскольку я подсознательно впитывал всё, что происходило вокруг – потому что всегда слушал и смотрел, – я стал очень быстро развиваться как футболист. Помогало и то, что долгое время я выступал за две разные команды. Даже после того, как я дебютировал в качестве полевого игрока «Аякса» в 17-

летнем возрасте, это случилось 15 ноября 1964 года, я продолжал играть в воротах в составе третьей команды клуба. И удовольствие от этого получал невероятное. Вдобавок у меня здорово получалось, и однажды я даже был резервным вратарём «Аякса» в одном из матчей Кубка чемпионов, поскольку в те дни по правилам разрешалось держать на скамейке только одного запасного игрока.

Михелс и Яни также показали нам важность крепкой психологии. Я до сих пор помню психологическую уловку, которую Яни впервые опробовал на мне, когда мне было лет 15–16, но которая продолжала быть актуальной в первой команде и при Вике Бэкингеме, и позднее при Ринусе Михелсе. Ван дер Вен следил за тем, чтобы я регулярно отыгрывал один тайм с юниорами, а на следующий день обязательно попадал в состав первой команды в качестве запасного, которому иногда даже выделяли игровое время. Эта ситуация заставляла меня чувствовать себя морально обязанным быть лучшим игроком в составе юниоров – ведь я уже играл за первую команду. Таким я считал правильное видение игры, и смыслом каждого матча было приближение к статусу лучшего, и не важно, в составе какой из команд. Люди говорили, что я слишком много разговаривал, они раздражались от этого и постоянно просили меня заткнуться. Я был на стадионе каждый день с утра до вечера, так что, когда я получил шанс сыграть, не испытывал никаких странных ощущений, поскольку знал всех этих игроков большую половину своей жизни. Я был просто пацаном, веселившимся на полную катушку, и следующие пятнадцать лет моей жизни пройдут в том же ключе: не будет никакой философии и никакого анализа. Только веселье и радость. У меня не было страха провала. Я просто воспринимал всё как данность и получал от процесса огромное удовольствие.

В 1965 году, спустя несколько месяцев после моего дебюта, «Аякс» предложил мне первый контракт. Как я уже сказал, я был всего лишь вторым футболистом, заключившим полноценный контракт с «Аяксом» после Пита, – остальные игроки команды продолжали работать на непостоянной основе, – но все равно трудился на случайных подработках и жил своей жизнью. Большую часть своего времени я проводил на улице с мячом и, только повстречав Данни, открыл себе счёт в банке и начал планировать жизнь наперёд. Контракт с клубом я подписал в присутствии матери, и как только мы с ней покинули офис, я незамедлительно сообщил ей, что вчера она в последний раз в жизни мыла раздевалки. Я не хотел, чтобы ей приходилось ходить на работу в комнату, которую я только что изгадил. Она ещё какое-то время продолжала стирать мою футбольную форму дома, так как у нас не было денег на стиральную машину, и мне пришлось несколько месяцев откладывать с зарплаты, чтобы приобрести её.

В наши дни, наверное, трудно осознать тот факт, что так называемому «звёздному игроку» команды приходилось таскать домой грязную форму, чтобы её постирала ему мама, но такой опыт формирует твою личность. Он учит следить за своей одеждой, учит необходимости чистить бутсы и формирует твой характер. Потом, уже будучи тренером, я пытался передать это молодым игрокам. Но делал это в завуалированной форме, внушая им, что, если они сами будут чистить свои бутсы, они всегда будут знать, какие у них шипы, а следовательно, будут лучше чувствовать себя в разной окружающей обстановке. К тому же ты как тренер надеешься таким образом хорошенько приструнить своих игроков. Если это не срабатывало, то я заставлял двоих-троих футболистов помыть раздевалку, чтобы укрепить их чувство ответственности: так было в «Аяксе» и «Барселоне». Как я открыл для себя, подобное поведение очень важно для футбола, так как, оказавшись в такой ситуации, игрок будет применять на практике за пределами самой игры то, чему научился в ней. Но это открытие случилось намного позже. И хотя мне удалось превратить это в добродетель, тот простой факт, что мне приходилось стирать свою грязную форму дома, конечно же, говорит многое о том, насколько непрофессионально организован был «Аякс» в 1965 году, в мой второй год в первой команде.

Поскольку Пит Кейзер и я были единственными профессиональными игроками клуба с полноценными контрактами, мы могли тренироваться в полном составе только вечерами, так

как у всех остальных игроков была основная работа, которой они занимались днём, например заправляли табачной лавкой. В течение дня нас на стадионе обычно было человек семь, а вечерами тренироваться приходили остальные – если у них было желание. Но такое положение дел продлилось недолго. Особенно после того, как в январе 1965 года завершился второй срок Вика Бэкингема на посту главного тренера команды, и её возглавил Ринус Михелс.

Глава вторая

Ответственность

В конечном счёте период профессионального роста клуба продлился около девяти лет, начавшись в мой первый полный сезон в Эредивизи в 1965 году и завершившись финалом чемпионата мира-1974. Меньше чем за десять лет мы подняли «Аякс» из неизвестности на вершину Тотального футбола, о котором мир судачит до сих пор. Часто задают вопрос: возможна ли подобная революция и теперь? Думаю, да, а говоря совсем откровенно, скажу, что уверен – конечно, да. Доказательством стали успехи того же «Аякса» в 1980-е и 1990-е годы, а также недавние примеры «Барселоны» и мюнхенской «Баварии».

Основой качественного прорыва «Аякса» стало сочетание талантов игроков, их техники и отлаженной дисциплины в команде. Как я уже говорил, Яни ван дер Вен и Ринус Михелс сыграли большую роль в этих успехах. Ван дер Вен не только учил нас любить футбол и клуб, он умел работать над нашей техникой и делал это в весьма утончённом стиле. Кроме того, у него был намётан глаз на некоторые фокусы на поле, которые мы перенимали для улучшения своей позиционной игры. Что я понял, так это то, что футбол есть процесс постоянного совершенства ошибок и последующего анализа их для извлечения ценных уроков, причём по ходу этого процесса нельзя разочаровываться и опускать руки. С каждым годом мы становились всё лучше, и я никогда не оглядывался назад. В конце каждого матча я уже думал о следующем и прикидывал, что могу улучшить в своей игре. После тренировок Ван дер Вена мы далее развивали своё футбольное мастерство уже с Михелсом. Профессионализация клуба и команды означала, что теперь мы могли тренироваться все вместе в течение дня, и в результате этого стали гораздо сильнее как в техническом, так и в физическом плане. Как только мы этого достигли, он начал ковать наш менталитет. Особенным моментом было то, что следование его инструкциям никогда не создавало атмосферу жёсткого подчинения.

ЧЕХИ ВЕСЬ МАТЧ
БЫЛИ ЗАНЯТЫ МОИМ
ИЗБИЕНИЕМ, СУДЬЯ
ЗАКРЫВАЛ НА ЭТО ГЛАЗА,
А ПОТОМ ПОШЁЛ В АТАКУ
НА МЕНЯ, ПОТОМУ ЧТО
Я СПРОСИЛ У НЕГО,
ПОЧЕМУ ОН БЕЗДЕЙСТВУЕТ.

В «Аяксе» всегда находилось место для самоиронии и юмора. Думаю, что сочетание всех этих факторов было чрезвычайно важно для создания ауры, которая нашими стараниями стала окружать команду. Мы знали, что делаем, и занимались этим с удовольствием. И для соперников зачастую это становилось самой пугающей нашей чертой. А так как мне была привычна такая атмосфера в клубе с раннего детства, я никогда не испытывал страха неудачи и не волновался по поводу предстоящих игр. Поскольку я проводил на «Де Мере» почти каждый день своей жизни начиная с пяти лет, я знал всех игроков основы ещё до того, как попал в первую команду, а значит, переход из команды юниоров во взрослую никак не мог меня напугать. Так я подходил к каждой игре. Единственное, что мне было интересно – помимо самой игры в матчах, – это объяснение тактики, которую мы применяли. До женитьбы я о будущем не думал. Проживал свою жизнь день за днём, наслаждался ей. Меня не интересовали шаг вперёд и какое-то продвижение. Я был одержим футболом и считал, что играть в матчах – это очень круто, и мне было не важно, будут ли это матчи за юниоров, третью команду или первую.

С годами моё восприятие не слишком поменялось, даже когда я стал играть в больших матчах, таких как дебют в национальной сборной Голландии в 1966-м и первая игра в Кубке чемпионов. Я просто вышел на поле и сыграл так, как делал это всегда. В те дни Михелс называл меня неогранённым алмазом, но он всегда следил за тем, чтобы я был вовлечён в жизнь команды, в частности когда проводил со мной предматчевые беседы о наших соперниках и тактике. Таким образом он с молодого возраста учил меня думать о командной игре. Позже

я сам применял этот метод в работе с игроками вроде Марко ван Бастена и Пепа Гвардиолы. Этот способ работает в две стороны: он идёт на пользу команде и помогает стать лучше тому игроку, с которым ты работаешь.

Разумеется, будучи молодым игроком, ты совершаешь ошибки. Но они – часть процесса обучения, в который ты погружён. Возьмём, к примеру, моё первое в карьере удаление. Случилось оно по ходу моего второго матча за сборную, в игре против Чехословакии в 1967 году. Соперники постоянно били меня по ногам, начиная со стартового свистка, а судья, Руди Глэкнер из ГДР, никак на это не реагировал. В итоге я спросил у него, почему он позволяет защитникам безнаказанно атаковать меня, на что он приказал мне закрыть рот. После того как меня спустя какое-то время со всей силы срубил соперник прямо у него под носом, я снова поднял эту тему. Тогда он удалил меня, и я не мог играть за сборную в течение целого года. Инцидент перерос в гвалт и потасовку с участием огромного количества людей, тот эпизод был, наверное, первым случаем, спровоцировавшим дебаты по поводу права футболиста на протест, но я-то знал, что действовал полностью в рамках своих прав, не более. Чехи весь матч были заняты моим избиением, судья закрывал на это глаза, а потом пошёл в атаку на меня, потому что я спросил у него, почему он бездействует. Сегодня и игроки, и арбитры вместе несут ответственность за то, чтобы публика, наблюдающая за матчем, получила максимальную порцию развлечений, но в 1967 году до этого было ещё очень далеко. В те времена судья был боссом, и никто не смел ставить под сомнение его авторитет, не говоря уже о том, что между нами была колоссальная разница в социальном смысле: я был молодым спортсменом с Запада, игравшим в самый разгар «Битломании», а он – восточным немцем, которому раз в неделю на 90 минут выпадала возможность почувствовать себя главным, после чего он опять был вынужден держать варежку закрытой в своей ГДР.

В «Аяксе», за который я мог продолжать играть, невзирая на запрет выступать в составе сборной, нам тоже приходилось иметь дело с разного рода преимуществами и недостатками. После того как мы завоевали чемпионский титул в мой первый сезон, 1965/66, мы попали на «Ливерпуль» во втором раунде Кубка чемпионов сезона 1966/67. В то время «Ливерпуль» не просто был лучшим клубом Англии, он являлся одной из сильнейших команд планеты. И хотя обычно я плох по части деталей матчей, игр и различных случившихся в них событий, я до сих пор помню практически все подробности той легендарной «туманной игры» (mistwedstrijd) на Олимпийском стадионе Амстердама и ответного матча, прошедшего на «Энфилде», в Ливерпуле. Помню, что Англия тогда только стала чемпионом мира, все только о ней и говорили, а в «Ливерпуле» играли такие люди, как Рон Йейтс, Айан Сэнт Джон, Томми Лоуренс и Питер Томпсон – отличные футболисты, о которых мы все были наслышаны. Все говорили, что нас ждёт неминуемое поражение, но к перерыву мы вели 4:0. Игру едва не отложили из-за густого тумана – никого не обрадовала ухудшившаяся из-за погоды видимость, но обеим командам пришлось выходить на поле и играть в таких условиях. Но главная причина, по которой я так хорошо запомнил это противостояние, заключалась в том, что мы получили подтверждение своего технического превосходства и поняли, что всё, что выстраивал в команде Михелс, работает и приносит плоды. В техническом плане мы просто разорвали английских чемпионов. В итоге матч в Амстердаме завершился со счётом 5:1, и я до сих пор помню слова их менеджера Билла Шенкли, сказавшего после игры, что такой результат – недоразумение и в Ливерпуле его команда победит 7:0.

СТРАСТЬ БОЛЕЛЬЩИКОВ К ИГРЕ И ИХ НЕВЕРОЯТНОЕ ЖЕЛАНИЕ УВИДЕТЬ ПОБЕДУ СВОЕЙ КОМАНДЫ НАТОЛКНУЛИ МЕНЯ НА МЫСЛЬ, ЧТО ОДНАЖДЫ И Я ДОЛЖЕН ПОИГРАТЬ В АНГЛИИ.

Неделю спустя мы совершили ещё один прорыв. Я стоял на поле «Энфилда» и чувствовал, как мурашки бегут по телу. Но не потому, что был напуган нашими оппонентами, а из-за атмосферы на стадионе. Огромная трибуна «Коп», где традиционно собираются самые отчаянные и фанатичные болельщики клуба, пела, как единое целое: «Энфилд» был поразительным, очень впечатляющим местом. Я получил настоящее удовольствие от 90 минут там, а матч мы отыграли блестяще. Даже несмотря на итоговый ничейный счёт 2:2, мы полностью контролировали ход матча. С радостью и счастьем от достигнутого нами прогресса и выхода в следующий раунд по силе могло сравниться разве что впечатление, которое произвёл на меня «Энфилд»; тем вечером английский футбол покорило моё сердце. Я играл в футбол на высочайшем уровне всего пару сезонов и никогда прежде не видел ничего подобного – страсть болельщиков к игре и их невероятное желание увидеть победу своей команды натолкнули меня на мысль, что однажды и я должен поиграть в Англии. К несчастью, этой моей мечте не суждено было сбыться, так как в те времена границы оставались закрытыми для иностранных игроков. Даже сегодня я с большой досадой думаю об этом и жалею, что всё случилось именно так.

После того как мы выбили «Ливерпуль», все стали говорить, что у нас есть все шансы на выигрывание Кубка чемпионов, но в четвертьфинале мы вылетели, проиграв пражской «Дукле» 3:2 по сумме двух встреч. Проиграли несправедливо и незаслуженно, пропустив гол на последних минутах, но так уж вышло. И разумеется, это кое-чему меня научило, ибо такой была философия, формировавшая наши взгляды на футбол и наше восприятие его как игры. С каждым матчем мы становились всё сильнее, в каждой игре мы делали шаг в ту сторону, в которую нас хотел направлять Михелс. Мы хотели выигрывать матчи, но, кроме того, стремились раз-

влекать болельщиков, чтобы домой они уходили счастливыми. Это очень непросто, но победа над «Ливерпулем» показала, что «Аякс» движется в верном направлении. Матч с «Ливерпулем» был крайне важен для нас из-за брошенной Шенкли колкости: он сказал, что никогда раньше не слышал об «Аяксе», хотя этой фразой он не смог переплюнуть Макса Меркеля из «Нюрнберга», заявившего, что «Аякс», как он думал, это такое чистящее средство. До матча с «Ливерпулем» мы почти никому в мире не были известны. После той игры всё изменилось.

На следующий год нам не повезло со жребием: в первом же раунде нам достался «Реал Мадрид», великая команда той эпохи, но даже тогда мы сделали маленький шаг к славе, сумев перевести игру в дополнительное время и проиграв лишь с минимальным счётом. Спустя год после этого, в 1969-м, мы продвинулись ещё дальше и достигли финала Кубка чемпионов, в котором проиграли «Милану» 1:4. После этого Михелс привёл в клуб шесть или семь новых футболистов. Васович стал «либеро» или чистильщиком – последним игроком обороны – и играл очень надёжно. Позже преемником Васовича стал Хорст Бланкенбург, он был более заточенным на атаку игроком, был более техничен, тогда как Васович давал команде мощь и стать. С Васовичем шутки были плохи. Будучи нападающим, я всегда знал, что против него у меня будут проблемы. Что более важно, он был физически очень силен, а также крепок в плане психологии и вдобавок обладал опытом в европейском футболе. Этот переход стал ещё одним шагом к Тотальному футболу.

Потом, в 1971-м, мы выиграли Кубок европейских чемпионов впервые в истории, а затем брали его следующие два года подряд. Таким образом за шесть лет «Аякс» прошёл путь от клуба средней руки до статуса лучшей команды мира. И в чём был наш секрет? Всё просто – в комбинации таланта игроков, их техники и командной дисциплины. Надо всем этим мы работали в «Аяксе» ещё до прихода в клуб Михелса. Всё это было необходимой составляющей жизни клуба. Михелс привнёс то, о чём мы с ним всё время говорили, а именно понимание важности организации игроков на поле. Тогда-то на первый план и вышла моя любовь к вычислениям в уме, она помогла мне понять, каким образом можно лучше всего использовать поле для того, чтобы обыграть соперника. Как только ты полностью поймёшь, как нужно организовывать команду, ты будешь знать, какие у тебя есть возможности. В «Аяксе» мы сумели добиться этого раньше любой другой команды.

К примеру, в «Аяксе» у нас был левый фланг из раздолбаев и правый из серьёзных и надёжных ребят. Справа, где играли Вим Сюрбир, Йохан Нескенс и Шак Сварт, всегда было безопасно и спокойно; что будет твориться слева, где обитали Руд Крол, Герри Мюрен, Пит Кейзер и ваш покорный слуга, не знал никто. Таким образом у нас получалась идеальная смесь техники, тактики, качественной игры и футбольного стиля, которая выигрывала для нас матчи, но, что не менее важно, развлекала толпы болельщиков – я прекрасно понимал, что необходимость делать их счастливыми тоже важная часть моей работы. Зрители на трибунах трудились целыми неделями; мы обязаны были развлечь их классным футболом в их выходной день и в то же время добиться хорошего результата.

Хороший футболист – это тот, кому хватает одного касания мяча и кто знает, куда нужно бежать; в этом есть смысл голландского футбола. Я всегда говорил, что в футбол нужно играть красиво, играть в атаку. Матч должен быть спектаклем. В «Аяксе» мы обожали высокую технику и тактику. Каждый тренер вещает о движении, о том, как важно много бегать и прикладывать усилия. Я говорю: «Не надо бегать так много». Футбол – игра, в которую играют мозгом. Нужно быть в правильном месте в нужный момент, не слишком рано и не слишком поздно.

Оглядываясь в прошлое, могу сказать, что все эти элементы сошлись воедино в 1974 году, когда на чемпионате мира мы сыграли с Бразилией – Михелс тогда уже возглавил сборную. До того момента никто по-настоящему не подозревал, насколько мы хороши, а матч против Бразилии был, пожалуй, тем моментом, на который можно указать пальцем и сказать: вот это Тотальный футбол. Выходя на поле, мы нервничали, потому что думали, что нам всё ещё про-

тивостоит команда 1970-го, выигравшая чемпионат мира. Нам потребовалось тридцать минут, чтобы осознать, что мы на самом деле более мастеровитая команда, чем они. Мы только нащупывали пределы своего мастерства, а потом поняли, что можем победить. Победа в матче стала следствием процесса, на котором мы концентрировали всё своё внимание. Первым шагом была радость болельщиков, вторым – необходимость победы. В то время у меня не было никакого понимания значимости всего происходящего, и только заболев, я осознал, каким важным было наше командное достижение. То, чего мы тогда добились, было особенным достижением.

В тот период – начиная с 1968-го и далее – я научился у Михелса тому, что оставило неизгладимый след на моём понимании футбола как игры. К примеру, его вера в то, что задача защиты – дать сопернику как можно меньше времени на действие, или то, что, владея мячом, ты должен стремиться открыть себе так много пространства, как только возможно, а при потере его ты должен минимизировать то пространство, что есть у соперника. По сути, всё в футболе завязано на дистанциях. А уже потом идут десять тысяч часов, проведённых на тренировках для отработки практической стороны игры. Находясь на поле, я оценивал все варианты, но судил по ним только со своей перспективы. Мне был интересен сам процесс. Если ты способен анализировать свой следующий шаг, тогда у тебя есть шанс сделать этот шаг удачным. Оглядываясь назад, скажу, что тогда мы постоянно прогрессировали. Не думаю, что я многому научился, но самые ценные уроки извлёк из падений и провалов. Что случилось, то случилось, я пытался извлечь что-то новое для себя из этого, а потом двигаться дальше, к следующей главе. Я никогда не оглядывался назад подолгу, и, приходя домой, закрывая за собой дверь, я мог оставлять всё позади и забывать обо всём, даже когда мы проигрывали. Вот почему я так плох по части запоминания деталей матчей или даже забитых мною голов. Мне всегда был гораздо интереснее сам процесс. Я анализировал его шестым чувством. Мне не нужно было возвращаться на место и пересматривать матчи, чтобы понять, что требуется сделать.

ХОРОШИЙ ФУТБОЛИСТ – ЭТО ТОТ, КОМУ ХВАТАЕТ ОДНОГО КАСАНИЯ МЯЧА И КТО ЗНАЕТ, КУДА НУЖНО БЕЖАТЬ; В ЭТОМ ЕСТЬ СМЫСЛ ГОЛЛАНДСКОГО ФУТБОЛА.

К концу моего периода выступлений за «Аякс» я выиграл Кубок чемпионов три раза и получил титул игрока года в Европе два года подряд (1971 и 1972), и это здорово, но, если задуматься, что есть трофеи и медали, как не воспоминания о прошлом? Дома у меня на стенах не висит ничего из того, что напоминало бы о футболе. Когда мне вручали медаль, она непременно исчезала в коробке для игрушек моих внуков. Футбол – игра ошибок. Что мне нравилось в ней, так это математика игры, анализ её, поиск возможностей что-то улучшить. Люди часто спрашивают, как нам это удалось, что происходило в раздевалке, как мы создали Тотальный футбол, но для меня важно не это. У нас были инстинкты, мы играли вместе долгие годы, отлично друг друга знали, и это было самой важной составляющей. Разумеется, деньги тоже внушительный фактор – хотя, как я уже говорил раньше, я никогда не видел, чтобы мешок денег забивал гол, – но фундаментальная идея заключается в командной работе: приехали командой, уехали командой и командой вернулись домой.

В те годы в «Аяксе» нам посчастливилось добыть хорошие результаты, к тому же мы играли в красивый футбол, но я надеюсь, что меня запомнят не просто как футболиста, но как кого-то, кто всё время пытался стать лучше. К примеру, финал Кубка чемпионов, который мы выиграли на «Уэмбли» в 1971 году у «Панатинаикоса», вышел не очень красивой игрой, потому что у многих наших игроков были проблемы с давлением. Финал 1972-го против миланского «Интера» получился куда лучшим олицетворением Тотального футбола.

Многие люди помнят мой гол в ворота «Адо ден Хааг» в 1969-м, так называемый «кручёный гол». Для меня тот момент был чистым проявлением интуиции, но мне приятно, что люди до сих пор говорят о нём. Тогда я показал хорошую технику, да, но других вариантов у меня не было. И всё же тот гол осчастливил людей, а мы смогли выиграть матч. Только много

позже я осознал, насколько важным оказался гол, и оценил его последствия. Я обработал мяч после длинного выноса от наших защитников правой ногой, находясь на левом фланге поля – я заправлял свои гетры, когда кто-то запустил в мою сторону мяч из глубины поля, вот почему в тот момент я сжимал в руке кусок подтяжки, на которой держались гетры, а поскольку мяч продолжал крутиться после того, как я направил его к воротам ударом, он перелетел через голкипера. Как я уже говорил, это была чистой воды интуиция. Как и любой другой свой трюк, этот я не отрабатывал на тренировках – мне просто пришла в голову идея. Только потом у неё появился какой-то смысл.

На всём протяжении первой части своей жизни я не следовал никакой философии, впитывал себя столько информации, сколько мог, и жил день за днём. Я переживал опыт, дававший мне понимание каких-то вещей позднее: как семена, которые ты сначала сажаешь, а потом пожинаешь их плоды, когда настанет время собирать урожай. Только много позже я осознал, что фундамент всего, что я создал, был заложен в ранние годы. Если моё развитие, как футболиста, шло абсолютно нормально, то происходившее в моей жизни за пределами футбола было далеко не нормально. Я взял маму с собой на свои первые переговоры по контракту, и как только они завершились, я, казалось, начал спотыкаться на всём подряд. Особенно на том, что касалось внимания СМИ и коммерции, так как внезапно всё вокруг меня начало меняться с безумной скоростью. Я даже записал песню, вышедшую синглом, а фотографии с нашей с Данни свадьбы появились на первых полосах газет. Часто мне нравилась публичность, но иногда её было слишком много. Я впутывался во всё подряд, тогда как в реальности не имел ни малейшего понятия ни о чём. Вот почему появление Кора Костера в моей жизни сродни подарку от Всевышнего. Отец Данни был торговцем бриллиантами в Амстердаме и очень опытным, прожжённым бизнесменом. В первый раз, когда я пришёл с визитом к родне со стороны жены, он спросил у меня, есть ли у меня сберегательный счёт в банке. Его не было. Я сказал ему об этом. Говоря по правде, единственное, в чём я разбирался, был футбол. Кор был в ужасе, и тогда же он начал присматривать за моими делами.

Я НАДЕЮСЬ, ЧТО МЕНЯ ЗАПОМНЯТ НЕ ПРОСТО КАК ФУТБОЛИСТА, НО КАК КОГО-ТО, КТО ВСЁ ВРЕМЯ ПЫТАЛСЯ СТАТЬ ЛУЧШЕ.

С того момента я начал говорить боссам «Аякса»: «Общайтесь с ним, он пришёл помогать мне». Поначалу они не хотели так вести дела, но в 1968 году, спустя три года после того, как я подписал свой первый контракт, я привёл его с собой на переговоры о новом соглашении – он впервые действовал от моего имени. Мысль, что у игрока может быть собственный представитель, в те времена была неслыханной. Совет директоров клуба был поражён настолько, что его члены начали уверять меня, что Кору на переговорах делать совершенно нечего. Тогда я сказал: «Но вас тут сидит шестеро, почему я не могу привести кого-нибудь со своей стороны?» Когда они отказались продолжать общение в таком формате, мы просто встали и вышли. Потом они разрешили Кору общаться с ними от моего имени. Клуб был недоволен таким поворотом событий, но в конечном счёте Кор очень помог, и не только мне, но всем голландским футболистам: он поучаствовал в создании схемы пенсионных выплат, и это в то время, когда не существовало абсолютно никаких финансовых договорённостей касательно выплат игрокам по окончании их профессиональной карьеры.

Сотрудничество между мной и Кором вскоре стало для него постоянной работой. Никто не мог одурачить Кору, а он всегда следил за тем, чтобы я не впутывался в неприятности. Вот почему его смерть в 2008 году оказала такое огромное влияние на меня. Он имел колоссальную значимость для меня и моей жизни, и дело даже не в футбольной карьере, он был для меня как отец, он был замечательным тестем и дедушкой нашим с Данни детям, а кроме того, просто хорошим человеком.

Кор также помогал мне в социальной адаптации. Самое важное, чему он меня научил, это самоуважение, он понимал, что его роль состоит в воспитании меня в определённом ключе. Будучи широко известным футболистом, я входил в какой-то совершенно нереальный мир, где всё было ненормальным – зарплата, внимание прессы, – а в такой момент твой бизнес-менеджер должен добиться того, чтобы его талант не разбазаривался в двенадцать разных направлений разом. С годами для футболистов риски только росли. И не в последнюю очередь из-за стараний социальных медиа. Многие футболисты хвастаются тем, что у них огромное количество подписчиков и фолловеров, но за кем следуют они сами? На кого ориентируются? Ни на кого, как я вижу. Это никакая не крутость, это самоограничение. Кор понимал это лучше, чем кто-либо; он следил за тем, чтобы я развивался не только как футболист, но и как человек, которому предстоит ещё долгая жизнь после того, как с футболом будет покончено. К сожалению, в наши дни так мало агентов футболистов, которые по-настоящему понимают это, что я часто задаюсь вопросом: а чьим интересам они вообще служат? Они действуют в интересах футболиста или в своих собственных? Я даже пойду дальше. Когда агент действительно предан футболу, он должен блюсти не только интересы игрока, но также и его клуба. То есть выяснять, что клуб может себе позволить сделать, а что нет, в точности как это делал мой тесть в ходе переговоров сначала с «Аяксом», а потом и с «Фейеноордом».

На мой взгляд, деньги очень важны в футболе, но они всегда должны идти на втором месте после самой игры. Если деньги на первом месте, ты делаешь всё неправильно. Когда заходит речь об этом, я всегда привожу примеры великих команд с богатой историей: «Аякс», «Реал Мадрид», «Барселона», «Бавария», «Милан» и «Манчестер Юнайтед». Все эти команды имеют крепкий стержень, которым стали для них их молодёжные команды, у них играют футболисты с ДНК клуба, и она всегда помогает им выжать из себя чуть больше. Поэтому я не понимаю, почему клубы английской Премьер-лиги так мало внимания уделяют развитию игроков. Неужели уровень игры так сильно вырос с вливанием всех этих миллиардов? Вовсе нет. Я знаю, что процесс, который мы начали в «Аяксе» в 1965 году, до сих пор работает. Хорошие тренировки, сильные лидеры, и всё это в сочетании с талантом, техникой и дисциплиной.

В 1973-м «Аякс» был непобедим. Три года подряд мы выигрывали всё, что можно. Последние два сезона мы были успешны уже без Ринуса Михелса, который перешёл в «Барселону» после выигрыша первого Кубка чемпионов в 1971 году. В «Аяксе» его преемником стал румынский тренер Штефан Ковач. Приятный парень, но куда менее дисциплинированный. А когда тренер менее дисциплинирован, то в конечном счёте игроки начинают всё чаще высказывать разные мнения. Ковач был из тех тренеров, которые говорят: «Так, парни, вот правила. Думайте об этом, делайте это и развивайтесь». Поначалу всё шло гладко. Несмотря на неизбежные различия во мнениях среди членов раздевалки (которые менялись потому, что игроки развивались и росли, каждый индивидуально), наша групповая дисциплина оставалась крепкой. После выигрыша второго Кубка чемпионов в 1972 году, однако, дисциплина дала трещину. Финал против «Интера» был лучшим из всех трёх наших финалов с большим отрывом. Мы победили 2:0 и с первой до последней минуты матча не переставали оказывать на итальянцев давление. Я провёл хороший матч и забил оба гола. Весь мир только и твердил, что об этом матче. Вновь в финале футбол показал себя во всей красоте. Но внутри клуба некоторые люди начали носиться с идеями, не соответствующими их рангу и положению. Всё началось с видения самого Ковача: он поощрял саморазвитие у игроков, но не следовал этому же принципу сам.

Когда ты разрешаешь футболистам заниматься самоуправлением, ты создаёшь трудности в отношениях внутри команды. Если бы у каждого было своё мнение, но при этом благо коллектива продолжало оставаться на первом месте, то таких проблем бы не возникало. Однако в нашем случае всё было иначе. И дело было не только в самоуправлении. Некоторые игроки

чувствовали себя чужаками, потому что не понимали, о чём их просят, или отказывались принять тот факт, что то, что они делали, не позволит достигнуть желаемого результата.

Вот почему в августе 1973 года я покинул «Аякс» и перешёл в «Барселону». Переход вышел неожиданным, и не только для меня самого. Клуб только выиграл третий подряд Кубок чемпионов, незадолго до этого я продлил контракт с ним ещё на семь лет, совсем недавно стал отцом и принял решение растить детей в Нидерландах, в знакомой обстановке. Я думал, что обеспечил себе будущее и устранил из него всякую неопределённость для моей семьи во всех смыслах. Вскоре я узнал, что ничего подобного. При Коваче ситуация в «Аяксе» стремительно ухудшалась, настолько, что я решил: оставаться тут я больше не могу. Если Михелс всегда планировал наши тренировочные сессии, то стиль «саморазвития» Ковача только подрывал дисциплину в команде как на тренировках, так и во время матчей.

Поскольку я был, пожалуй, лучшим футболистом клуба и уж точно самым знаменитым его игроком, методы Ковача концентрировались на мне. Но люди часто забывают, что и мои партнёры были исключительно качественными футболистами, и каждый из них определённо превосходил меня по игре на своей позиции – крайние защитники, полузащитники, левые вингеры, да кто угодно, на своих местах они были сильнее меня. Так почему я всегда должен быть в эпицентре внимания? К несчастью, многим членам команды, должно быть, стало казаться, что я просто сам ищу этого внимания.

Последней каплей стало голосование на выборах капитана команды. Оно состоялось в тренировочном лагере перед стартом сезона 1973/74. Ковач покинул клуб летом, и его заменил Георг Кнобел, однако непоправимый ущерб команде уже был нанесён. Я счёл странным тот факт, что нам вообще понадобилось проводить голосование. Я просто предложил партнёрам оставить капитаном меня, но в этот момент узнал, что у меня, оказывается, есть конкурент в лице Пита Кейзера, так что голосования не избежать. Люди продолжали жаловаться, утверждая, что я слишком эгоистичен и следую только своим интересам. Это была неизвестная мне прежде форма зависти.

В итоге игроки выбрали капитаном Пита. Для меня это был невероятный шок. Я тут же направился в свой номер, позвонил Кору Костеру и сказал, что он должен незамедлительно найти мне новый клуб. Точка. Мне нанесли рану, которую не разглядеть невооружённым глазом. Этот удар оказался для меня особенно тяжким, потому что мы с партнёрами были не просто коллегами, но и близкими друзьями. Вот почему я совершенно не предвидел того, что случилось. С другими людьми у меня случались аналогичные ситуации. Думаешь, что у тебя с каким-то человеком особая связь, но в конечном счёте тебе приходится с ним расходиться.

КОГДА ТЫ РАЗРЕШАЕШЬ ФУТБОЛИСТАМ ЗАНИМАТЬСЯ САМОУПРАВЛЕНИЕМ, ТЫ СОЗДАЁШЬ ТРУДНОСТИ В ОТНОШЕНИЯХ ВНУТРИ КОМАНДЫ.

Позже я много размышлял о том голосовании. Я спрашивал себя, что же сделал не так. Будучи капитаном, я был общительным и открытым, но порой мне приходилось поступать жёстко. Подход «невмешательства» Ковача вынуждал меня действовать всякий раз, когда я видел, что наша игра страдает от неправильного отношения к делу. Мне приходилось высказываться критически как по отношению к команде, так и к отдельным игрокам. Вероятно, в то время поступать так было не очень умно с моей стороны, ведь каждым игроком нашей команды восхищались, но я как профессионал и капитан команды чувствовал себя обязанным поступать так. Я, впрочем, всегда действовал с прицелом на улучшение обстановки, а разрушение никогда не было моим мотивом.

Это и привело к более серьёзной конфронтации в команде. Я говорил некоторым парням, что они обязаны изменить своё поведение в лучшую сторону. Я разъяснял им, что вчерашняя победа – это, конечно, здорово и замечательно, но это никакая не гарантия того, что завтра мы тоже победим, не приложив никаких усилий. Споры возникали всё чаще и чаще. Я чувствовал ещё большую обиду от того, что считал себя тем, кто сделал очень многое для других игроков: к примеру, я был пионером, организовавшим Голландский профессиональный союз футболистов (VVCS). Позже это выльется в *Contractspelers Fonds* (CFK), который, насколько я знаю, является единственной пенсионной схемой для футболистов во всём мире.

В конечном счёте мой тесть вместе с Карелом Янсенем организовали VVCS, хотя я никогда не был его членом. Люди критикуют меня за то, что послужил лишь инструментом, с помощью которого организация появилась на свет, хотя сам я к ней так никогда и не присоединился. Мне приходилось объяснять им, что эта организация придумывалась не для таких людей, как я. Я и так хорошо зарабатывал и был в выгодной позиции, с которой мог сам решать свои

вопросы. Но о многих других игроках подобного сказать было нельзя, уж точно не о тех, кто выступал за региональные команды. Для них появление VVCS было сродни манне небесной, но лично мне этот профсоюз не подходил. Вот почему мне не было нужды становиться его членом: без этого я по-прежнему сохранял возможность выступать как от лица игроков, так и от лица администрации, в зависимости от того, чего требовала ситуация. Кроме того, мешать в одну кучу людей со средним заработком и с очень высоким неправильно. Организация ведь только одна, поэтому смешивать всех не очень хорошая идея.

Что-то подобное я уже делал в «Аяксе». Клуб получил много денег от выступлений в Кубке чемпионов, но так как раньше мы всегда вылетали в первых раундах турнира, клуб никогда не делился с игроками призовыми деньгами. Со временем я предложил руководству клуба отдавать 70 % средств игрокам, которые эти деньги и заработали. По сути конкретно клубу это не стоило бы ни цента, поскольку призовые деньги от УЕФА не были прописаны в годовом бюджете «Аякса». Совет директоров не захотел в это ввязываться, хотя сделка была абсолютно честной и условия её целиком зависели от наших выступлений на турнире. На мой взгляд, нет ничего плохого в том, чтобы получить премию за хорошо выполненную работу. В конечном итоге я продал это решение, и клуб поделил с командой призовые.

Учитывая всё сказанное, думаю, вы поймёте, почему голосование, по итогам которого я лишился капитанской повязки, стало для меня таким болезненным ударом. Разумеется, переход в «Барселону» оказался отличным карьерным ходом, но его никогда не произошло бы, не случись тот инцидент в тренировочном лагере.

Почему я выбрал «Барселону»? Испания только открыла свои границы для иностранных игроков, Ринус Михелс перебрался туда из «Аякса» двумя годами ранее, а я уже бывал в этом городе в отпуске. Кроме того, я несколько раз встречал на Мальорке Карлеса Решака. Он играл за «Барселону» и рассказал мне несколько очень занятных историй о клубе и городе. «Барселона» была гордым клубом, находившимся в самом эпицентре местной жизни, но, когда они сделали мне предложение, оказалось, что они не становились чемпионами страны уже больше десяти лет.

«БАРСЕЛОНА» БЫЛА
ГОРДЫМ КЛУБОМ,
НАХОДИВШИМСЯ
В САМОМ ЭПИЦЕНТРЕ
МЕСТНОЙ ЖИЗНИ,
НО, КОГДА ОНИ СДЕЛАЛИ
МНЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ,
ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО ОНИ
НЕ СТАНОВИЛИСЬ
ЧЕМПИОНАМИ СТРАНЫ
УЖЕ БОЛЬШЕ ДЕСЯТИ ЛЕТ.

В «Аяксе» я чувствовал себя неуютно, я был нежеланной персоной там, а когда в таких обстоятельствах тебе делает предложение такой клуб, как «Барселона», ты обязательно захочешь повнимательнее с ним ознакомиться. Особенно если сумма потенциального трансфера может побить мировой рекорд.

Ещё одной счастливой случайностью было то, что Вик Бэкингем, человек, давший мне возможность дебютировать в составе «Аякса», работал в «Барселоне» перед тем, как туда при-

шёл Михелс. Арманд Карабен, отличный парень, у которого была жена-голландка, также был членом совета директоров клуба. Ещё несколько совпадений, которые я совпадениями не счёл. Вдобавок нельзя было забывать и о том факте, что зарплата, которую я должен был получить в соответствии с предложением каталонцев, была просто гигантской. В «Аяксе» я в то время зарабатывал миллион гульденов, из которых был обязан отдать 72 % на налоги. В «Барселоне» я не только получал вдвое больше, но и отдавал испанским налоговикам всего 30–35 %. Я не просто зарабатывал много больше; я и оставлял себе много больше.

Чем больше я думал об этом, тем больше смысла в этом видел. Мне предстояло играть в футбол в южной стране, в серьёзном соперничестве с клубами вроде «Реала», в составе которого блистали такие великие игроки, как Ференц Пушкаш и герой моего детства Альфредо Ди Стефано. В итоге мне было легко согласиться на переход. В то время Испанией правил генерал Франко, так что меня, разумеется, стали критиковать за решение играть в футбол в диктаторской стране. Когда стало ясно, что я покидаю «Аякс», меня забросали самыми разнообразными проклятиями и прочей мерзостью подобного рода. Но хуже всего для меня было то, что «Аякс» дал моей матери, которая всегда делала для клуба только хорошее, самое паршивое место на стадионе. За колонной. Это меня совершенно уничтожило.

2 декабря 1968-го я женился на Данни. От жизни, в которой я привык думать только о себе и футболе, я внезапно отошёл и начал делиться тем, что её наполняло, с другими, начал активнее погружаться в жизни окружающих меня людей. В моём случае моя новообретённая ответственность семьянина перетекла и в футбол. Почти моментально я стал больше думать о правах других игроков, а не только о своих собственных. Начал активнее интересоваться такими вещами, как, например, система бонусных выплат.

Скорость перемен меня не удивляла; я никогда не был человеком, привыкшим откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Когда обстоятельства менялись, я быстро адаптировался к переменам и доводил всё до конца. Дома Данни оказывала мне большую поддержку, помогая в этом. И чем больше я об этом думаю, тем чаще прихожу к выводу, что формирование моей семьи сыграло значительную роль в возникновении и развитии Тотального футбола. Такой стиль игры могли проповедовать только футболисты, привыкшие играть не только за себя, но и за остальных членов команды. Десять игроков должны постоянно быть готовыми к тому, что сделает игрок с мячом, и предчувствовать то, что произойдёт дальше.

Именно это происходит в семье, особенно если в ней есть дети. Разумеется, всё, что делает один член семьи, отражается и на остальных её членах, и мой жизненный опыт как мужа и отца оказался полезным, когда настало время покидать «Аякс». Шанталь родилась в 1970 году, а Сусила двумя годами позже, так что, когда случился мой переход в «Барселону» в 1973-м, я был как раз занят своим «домашним образованием» и потому был хорошо подготовлен к той сумятице, которой сопровождался мой трансфер. Переполох начался, как только мы приземлились в аэропорту Барселоны. Столько людей, такой энтузиазм! С одной стороны, я был напуган, с другой – подобная картина была невероятно вдохновляющей. После периода негатива в «Аяксе» я наконец вновь мог впитывать положительную энергию.

Мне также вручили приятный маленький подарок от Королевской футбольной ассоциации Нидерландов, KNVB, главного футбольного органа Нидерландов. В Голландии трансферное окно закрывалось в июле, тогда как в Испании оно оставалось открытым до конца августа. Так что KNVB отказалась выдать мне разрешение, и мне пришлось прождать два месяца, прежде чем «Барселона» смогла задействовать меня в официальных матчах. А посему было принято решение организовать товарищеские матчи, чтобы у болельщиков была хотя бы возможность увидеть меня в деле. Матчи имели громадный успех. Каждая игра собирала аншлаги, и всего за три игры клубу удалось отбить деньги, потраченные на мой трансфер.

Разумеется, KNVB была недовольна фактом организации товарищеских матчей, но в ответ я пригрозил им уходом из национальной сборной. Приближался чемпионат мира в Гер-

мании, решающий матч квалификации против Бельгии был назначен на ноябрь, а до него сборная должна была провести ещё несколько международных товарищеских матчей. Я сказал руководству Ассоциации, что без необходимой игровой практики не смогу подготовиться к выступлению за «Оранже». Как можно ожидать высокого уровня игры от того, кого ты сам заставил два месяца маяться без дела?

Я оказал на них давление, и это принесло плоды: 5 сентября 1973 года я дебютировал за «Барселону» в товарищеском матче против «Серкль Брюгге». Игра завершилась со счётом 6:0, я забил трижды, и внезапно все заключили, что побившая мировой рекорд сумма моего трансфера была вполне обоснованной. После этого мы провели ещё три товарищеские встречи – против «Кикерс», «Арсенала» и «Оренсе» – и выиграли их все. На поверхности всё было хорошо и гладко, но эти результаты оказали куда больший эффект в связи с тем, что «Барселона» удручающе стартовала в чемпионате. Ко времени моего дебюта в Ла Лиге, пришедшего на домашний матч против «Гранады» 28 октября, команда одержала лишь одну победу и увязла где-то в хвосте таблицы.

К счастью, игра с «Гранадой» стала переломным моментом. Матч завершился со счётом 4:0, я забил дважды, и после этого мы не потерпели ни единого поражения, а в конце сезона стали чемпионами с восьмичковым отрывом. Тот сезон я провёл на высоком уровне. Энтузиазм, охвативший весь клуб изнутри, был очень вдохновляющим, но в то же время я чётко осознал, что с каждым последующим годом планка требований всё повышалась и повышалась. Впрочем, я считал, что до тех пор, пока буду выступать хорошо, всё будет в порядке. Однако с самого начала моего пребывания в Барселоне постоянно происходило что-то странное. Ничто не шло по плану. Взять хотя бы рождение моего сына Жорди в 1974 году. Данни должна была родить 17 февраля, но на этот день был запланирован выездной матч с мадридским «Реалом». Вот только дело было в том, что мы решили, что местом рождения третьего ребёнка будет Амстердам, как и в случае с Шанталь и Сусилой, более того, мы даже хотели, чтобы роды принимал тот же гинеколог и чтобы он так же сделал кесарево. А я хотел присутствовать, как это было в случае с рождением дочерей.

Насколько я знаю, это было наиболее естественным желанием, какое только могло появиться, но казалось, что все люди у меня за спиной страшно запаниковали. В итоге Ринус Михелс стал интересоваться, нет ли возможности ускорить роды и сделать операцию на неделю раньше. Уверен, что он наверняка уже пообщался с каким-нибудь доктором на этот счёт без моего ведома. Как бы то ни было, мы с Данни дали своё согласие, и Жорди родился 9 февраля, а неделю спустя я сыграл в Мадриде. Но и это обернулось проблемами, так как Данни пришлось восстанавливаться после кесарева целых десять дней и только потом возвращаться домой. Так что после игры с «Реалом», завершившейся нашей победой 5:0, я сразу вылетел в Нидерланды, чтобы повидать Данни, пока в Каталонии все пребывали на седьмом небе от счастья.

Когда мы приземлились в аэропорту Барселоны спустя несколько дней уже с новорождённым малышом, нас ждал ещё один шумный приём, так как болельщики всё ещё не закончили праздновать победу. Тот результат на «Бернабеу» оказал невероятный эффект не только на клуб, но и на всю Каталонию. Провинция страдала от сурового режима диктатора Франко, сидевшего в столице, так что победа над «Реалом» имела колоссальное политическое значение. Я сам это обнаружил, когда решил зарегистрировать новорождённого Жорди в Барселоне.

Пока Данни восстанавливалась в госпитале, я зарегистрировал Жорди в Амстердаме (официально его полное имя звучит как Йохан Жорди, но известен он только под вторым именем). В Барселону я привёз с собой голландские бумаги, чтобы суметь зарегистрировать ребёнка в Испании, как того требовал закон. Всё бы хорошо, вот только регистратор мне сообщил, что Жорди, каталонское имя (святой Жорди – покровитель Каталонии), официально запрещено, а значит, сына будут регистрировать под именем Хорхе, это испанская версия имени.

Будучи лидером, ты служишь делу тем, что всегда берёшь на себя ответственность.

«Тогда у нас проблема, – сообщил я чиновнику. – Его зовут Жорди, и имя Жорди останется его именем. Если вы не согласитесь регистрировать, я пойду в инстанцию выше, но в этом случае регистрация станет уже вашей проблемой».

Моя позиция в меньшей степени касалась политики и в большей нашего права самостоятельно определять, как будут звать нашего ребёнка. Поскольку мы не знали, какого пола будет ребёнок, в декабре предыдущего года мы остановили свой выбор на двух именах: Нурия для девочки и Жорди, если окажется, что новорождённый будет мальчиком. В Нидерландах такие имена никто не слышал, и мы с Данни решили, что они будут выделять нашего ребёнка.

Чем ближе были роды и чем больше людей в Испании узнавали о нашем выборе имён, тем чаще мы слышали, что нам лучше забыть о каталонском варианте Жорди. Я незамедлительно ответил, что Данни и я сами решим, какое имя дать своему ребёнку, и никто другой за нас решать не будет. Мы выбрали эти имена, потому что они нам нравились, а не потому что у кого-то из нас был родственник с таким именем. Мы уже назвали свою первую дочь Шанталь, а это французское имя. Сусила – индийское. Вопрос этот касался и жизненных взглядов людей нашего поколения. Порой мы делали такое, что шло вразрез с правилами и нормами, общепринятыми для предыдущих поколений людей.

Чиновнику в Барселоне я сказал то же самое. Сначала он заявил, что это невозможно. На что я ответил, что ему крупно не повезло, если это действительно так. Эмоции националиста, вызванные игрой с «Реалом», тоже, должно быть, сидели у него в голове, но в конечном счёте мне удалось дать ему достойное оправдание, которым он мог воспользоваться. Так как я сначала зарегистрировал Жорди в Амстердаме, я смог показать ему голландское свидетельство о рождении и сказал, что он не может просто так отклонить подачу официального документа. Ведь что бы он ни написал, свидетельство будет действительным во всех остальных странах мира. Это успокоило его, и он зарегистрировал Жорди без дальнейших проволочек. Таким образом победа 5:0 имела не только огромную эмоциональную ценность для каталонского народа; мой сын тоже получил от неё выгоду в офисе того чиновника. Поскольку я

сомневаюсь, что регистратор так легко и быстро согласился бы изменить своё мнение, если бы мы проиграли в Мадриде или плелись где-нибудь на дне таблицы.

Ринус Михелс разработал новый план на игру с «Реалом», и в тот вечер на «Сантьяго Бернабеу» нам удалось его полностью реализовать. Тактика, которую придумал Михелс, сработала великолепно. В той игре я не играл чистого форварда, а скорее опускался чуть назад, что открывало моим партнёрам свободную зону, в которую они могли врываться из глубины. Такой тактический ход поразил соперника, никто прежде его не применял, но только годы спустя я узнал, как Михелс до него додумался. В то время его друг, Тео де Гроот, с которым он когда-то вместе играл за «Аякс», жил в Мадриде. Тео, отец спортивного журналиста Япа де Гроота, жил по соседству с центральным защитником «Реала» Грегорио Бенито, который часто пересекал коридор, чтобы навестить своих голландских соседей. Он явно ничего не подозревал об отношениях между де Гроотом и Михелсом, так как перед матчем с «Барселоной» он полностью раскрыл план «Реала» на игру. Основой их стратегии должен был стать отказ от персональной опеки меня как форварда – вместо этого они собрались опекать меня зонально, задействовав для этого всю линию обороны «Мадрида».

Когда Михелс об этом узнал, он попросил меня опуститься глубже. Тогда четверым защитникам стало бы некого опекать, это бы смутило их, а наши выдвигающиеся из центра полузащитники этим бы воспользовались. План сработал, и прорывы наших хавбеков вперёд стали для «Реала» совершенно неожиданным сюрпризом. Любопытно, насколько порой значимыми бывают случайные события. После той победы 5:0 мы провели серию таких матчей, каких я ещё прежде не видел. Три месяца спустя «Барселона» стала чемпионом Испании впервые за последние 14 лет. Опыт получился незабываемым, мне до сих пор приятно об этом вспоминать. В отличие от периода выступлений в «Аяксе» в «Барселоне» мой статус лидера и капитана устраивал всех. Будучи лидером, ты служишь делу тем, что всегда берёшь на себя ответственность. Я всегда говорил, что семья помогала мне по этой части. Она научила меня активнее участвовать в жизни других людей. Эта вовлеченность также является составной частью Тотального футбола.

По ходу того бурного первого сезона в «Барселоне» я становился всё сильнее и сильнее по части умения справляться с большим давлением как на поле, так и за его пределами. Это было одной из обязанностей капитана, само собой. Михелс много помогал мне в этом. Позже многие утверждали, что великим его сделал я, но он способствовал моему развитию как игрока тем, что всегда давал мне правильный совет в нужное время. Начиная с тех пор, как мне исполнилось 18 лет (тогда он выделил меня из всех в «Аяксе», начав со мной беседовать о тактике на матчи), он всегда привносил массу профессионализма в контекст моих выступлений. Михелс набирал обороты и постоянно уделял внимание каждой детали нашего развития. Впоследствии, когда я сам стал тренером и советником, я открыл для себя, насколько трудно тебе приходится, если у твоих игроков нет вдохновения выкладываться на максимум. Когда такое случается, не важно, как сильно ты хочешь успеха и как упорно стараешься его достичь, тебе это сделать не удастся. Михелс создавал форвардов, в которых я нуждался. Он делал это и в «Аяксе», и в «Барселоне», и в национальной сборной. Я не говорю, что мой вклад не поднимал команды на уровень выше, но для достижения успеха тебе нужна помощь других людей, поскольку в одиночку тебе никогда не справиться.

Глава третья

Уважение

Назначение Михелса на пост главного тренера сборной Нидерландов вместо Франтишека Фадронца перед финальной частью чемпионата мира-1974 в Германии стало очень важным событием для меня. Вероятно, важнейшим даже. Конечно, я не забыл, как меня вышвырнули из «Аякса». Я уже встречался несколько раз со своими бывшими партнёрами в сборной, и поначалу это доставляло уйму проблем. Не только потому, что они продолжали ныть по поводу меня. Почему я как будто всегда приезжаю в сборную позже их? Они просто не осознавали, как долго мне приходилось добираться из Испании в те дни. Тогда не было такого количества рейсов, какое есть сейчас.

К примеру, как-то раз, когда мы играли матч на севере Испании, мне пришлось сначала на автобусе добираться до Барселоны, а уже оттуда лететь в Амстердам, где я уже пересел на стыковочный рейс до какого-то отдалённого уголка Восточного Блока, где нам предстояло проводить матч квалификации к чемпионату мира. Всё было очень сложно: я выдвинулся в воскресенье, а прибыл в сборную только во вторник, хотя матч предстояло играть вечером среды. Потом я узнал, что некоторых игроков сборной раздражал тот факт, что я не путешествовал вместе с остальными членами команды. Но как я должен был это делать?

Фадронц меня не поддерживал, так что эту горькую пилюлю мне нужно было проглотить молча. Иногда я спрашивал себя, стоит ли всё это таких хлопот, но, учитывая перспективу появиться в финальной части ЧМ под флагом своей страны, я пришёл к выводу, что не играть вряд ли будет приемлемым вариантом, особенно в свете того, что KNVB решила назначить тренером сборной Михелса. Когда он пришёл в команду, всем форвардам было велено отрабатывать то, что на турнире получило название Тотального футбола. Тотальный футбол требует от индивидуально талантливых игроков действовать как сплочённая и дисциплинированная группа. Тот, кто ноет или не уделяет достаточно внимания командной игре, становится обузой для остальных, и чтобы на корню пресекать подобное поведение, требуется такой босс, как Михелс. Я не знаю, кто придумал термин «Тотальный футбол», но общий смысл этой стратегии название вполне передаёт. Тотальный футбол – если оставить за рамками качественный уровень игроков – по большей части завязан на дистанциях и выборе позиции. Это основа тактического мышления. Когда твои игроки располагаются на правильных дистанциях, а схема командной игры выстроена как надо, всё работает как часы. Кроме того, эта стратегия требует очень большой дисциплины. Нельзя допустить, чтобы кто-то один действовал сам по себе. Тогда весь план рухнет. Один игрок начинает прессинговать соперника, и вся команда должна тут же переключать скорость.

Приведу пример. Когда я прессинговал защитника-правшу, я всегда старался набежать на него с правой стороны, чтобы вынудить его отдать пас нерабочей ногой. Тем временем Йохан Нескенс выходил из полузащиты по левому краю, вынуждая соперника отдавать пас очень быстро. Это ещё больше ухудшало положение оппонента. Чтобы пойти в прессинг, Нескенс был вынужден бросать своего игрока. Это означало, что теперь его оппонент оставался без опеки, но этот парень не мог бежать следом за Нескенсом, так как из линии нашей защиты уже выдвинулся Вим Сюрбир, который теперь занял позицию Нескенса. Таким образом, мы быстро и эффективно создавали численное преимущество в ситуациях три в два. Чтобы избавить вас от лишних подробностей, упрощу: я прессингую соперника со стороны его рабочей ноги, Нескенс делает то же самое со стороны слабой ноги, а Сюрбир своим смещением добивается того, чтобы опекун Нескенса не последовал за ним, а остался на своей позиции. Всё это происходило в радиусе 5–10 метров.

Это, грубо говоря, всегда и было сутью Тотального футбола, ты всегда играл, отталкиваясь от того, что видел, и никогда от того, что видеть не мог. Другими словами, нужно иметь полный обзор, нужно всегда уметь видеть мяч.

Возьмём регби. Игроки вынуждены пасовать мяч назад, чтобы иметь возможность бежать вперёд. В результате они улучшают обзор происходящего перед ними. Та же теория применима и к футболу, но очень многие люди видят его совсем не так. Они думают, что им нужно двигать мяч вперёд, тогда как на деле игрок, выдвигающийся из глубины поля, – как раз тот, кому они должны пасовать. Он располагается на более глубокой позиции, а следовательно, имеет лучший обзор.

ТОТАЛЬНЫЙ ФУТБОЛ ТРЕБУЕТ ОТ ИНДИВИДУАЛЬНО ТАЛАНТЛИВЫХ ИГРОКОВ ДЕЙСТВОВАТЬ КАК СПЛОЧЁННАЯ И ДИСЦИПЛИНИРОВАННАЯ ГРУППА.

Как бы то ни было, Тотальный футбол целиком завязан на дистанциях на поле и между линиями. Если играть таким образом, то даже голкипер будет считаться ещё одной линией. Поскольку голкипер не может взять мяч в руки после паса от своего игрока назад, он должен уметь обращаться с мячом ногами. Он должен быть кем-то, кто обеспечит защитникам доставку мяча в нужный момент. Часто ему приходится располагаться на границе штрафной площади, чтобы предлагать себя партнёрам впереди в качестве адресата для передачи. Наш стиль игры, который мы практиковали на чемпионате мира в Германии, не предполагал присутствия в команде вратаря, никогда не выходящего со своей линии.

Вот почему место в составе получил Ян Йонгблуд, а не Ян ван Беверен, до тех пор бывший нашим первым номером. Козырем Йонгблуда было то, что в юности он играл форварда. Будучи вратарём, он не просто с удовольствием включался в наши комбинации, он ещё и блестяще в них участвовал и часто избегал пропущенных мячей, потому что умел думать как игрок атаки. Перед Йонгблудом располагалась линия нашей обороны, в которой нашёлся лишь один настоящий защитник, Вим Рейсберген. Ари Хан был полузащитником, а крайние защитники Руд Крол и Вим Сюрбир изначально играли гораздо выше по полю. Почти все они были игроками, умевшими думать об игре в целом. В плане позиционной игры они были большими мастерами, а в техническом плане ещё искуснее.

Превращение полузащитника или игрока атаки в защитника, разумеется, восходило к философии Михелса в «Аяксе». Он пришёл к выводу, что игрок, выступавший на позиции вингера в возрасте восьми–восемнадцати лет, всегда думает о том, что происходит впереди него, всегда ищет возможность продвинуться по полю выше, чтобы как можно чаще подходить к воротам, и он будет делать это, даже если его задвинуть дальше назад. То есть он предпочитает не возвращаться назад, а значит, ему будет выгодно, если поле будет оставаться «узким». Также нельзя забывать о том факте, что хавбеки и игроки атаки, как правило, лучше обращаются с мячом, нежели защитники в классическом понимании слова. Это тоже становится их преимуществом при смене их позиции на поле.

Я слышал и не раз читал о том, что люди, смотревшие матчи ЧМ в Германии, думали, что такой наш подход к футболу был почти что случайностью. Заявляю, что это полный абсурд. В то время национальная сборная Нидерландов была составлена из группы игроков, каждый из которых был возмутительно хорош, это были далеко не посредственные футболисты. Напротив, выдающиеся, блестящие. На левом фланге полузащиты у нас был не только Герри Мюрен из «Аякса», но также и Виллем ван Ханегем из «Фейеноорда». Конкуренцию за место в составе у нас вели игроки мирового уровня. Справа играли Вим Янсен, тоже из «Фейеноорда», и Йохан Нескенс, который в скором времени покинет «Аякс», чтобы присоединиться ко мне в «Барсе». Чего ещё желать? Просто ответьте мне на вопрос: кто лучший левый вингер, Пит Кейзер или Роб Ренсенбринк? Куда ни глянь, везде увидишь игроков мирового класса, выигрывавших трофеи в каждой стране, в которой они выступали. Просто выбери состав, а они сделают всё остальное.

Та команда была сочетанием таланта мирового уровня с исключительным профессионализмом. Возьмём Руда Крола, разнопланового универсального защитника, которым я всегда безумно восхищался. Он мог играть на любой позиции в защите и полузащите. Он просто решил стать лучшим и начал делать домашнюю работу, чтобы оказаться на вершине. После тренировки он каждый день возвращался на поле, чтобы улучшить свой пас вперёд. Уникум.

Наш стартовый состав был полон мастеров, можно было легко выпустить 15 полевых игроков, каждый из которых был бы невероятно хорош, причём на разных позициях. Таким образом, правый защитник мог сыграть и центрального хава, а Джонни Реп или Рене ван де Керкхоф могли в любой момент закрыть правый фланг. Повсюду были суперталантливые игроки. И каждый из них мог привнести что-то особенное в команду.

Чемпионат мира-1974 стал кульминацией пяти лет успехов голландских команд на клубном уровне. Всё началось в 1970 м, когда «Фейеноорд» из Роттердама обыграл «Селтик» Глазго в финале Кубка европейских чемпионов, а после этого «Аякс» брал этот трофей три раза подряд. Выход сборной Голландии в финальную часть турнира 1974 года, первое участие страны на Мундиалах с 1934 года, стал вишенкой на торте. Команда, составленная по большей части из «аяксидов» и игроков «Фейе», смогла наконец собрать вместе лучших футболистов двух футбольных гигантов. Идеальное сочетание.

Тот турнир был последним большим шагом страны к признанию её как одной из ведущих футбольных держав. Именно тем летом в Германии я открыл для себя, насколько чемпионат

мира на самом деле значимое событие. Стараниями «Фейеноорда» и главным образом «Аякса» голландский футбол доминировал на клубном уровне на протяжении четырёх лет, но даже этого было недостаточно для того, чтобы тягаться с аурой чемпионата мира. Масштаб этого турнира, казалось, способен повлиять на всё. Возьмите для примера «Песню Вильгельма», наш национальный гимн. Я никогда прежде не слышал, чтобы столько людей так проникновенно его исполняли перед каждой игрой. А потом эти облачённые во всё оранжевое болельщики. Тогда я тоже впервые увидел такое их количество в одном месте. Чувство, что ты действительно представляешь свою страну, крепло во мне с каждым днём. Как и гордость от выступлений за неё. Начиная от игроков и кончая болельщиками – все и каждый почли за честь быть частью этого события.

С каждым матчем всё становилось лучше и лучше, и вскоре за нас болел уже весь мир. Тогда не было ни мобильных телефонов, ни Интернета, так что поддержка команды не имела «вирусного» характера, но с каждым шагом мощь её всё возрастала, и плавным образом она превращалась в почти что непреодолимую силу.

Подготовка сборной к чемпионату мира же, напротив, была какой угодно, но только не плавной. Было много суматохи вокруг финансовой составляющей и договорённостей со спонсорами. Едва ли это было неожиданно, учитывая, что и для игроков, и для KNVB всё было в новинку, так как ни у тех, ни у других не было опыта участия в чемпионатах мира. Из-за этого организация всего процесса получалась хаотичной и беспорядочной, а потому был организован комитет игроков, в который входили представители «Аякса» и «Фейеноорда». Он должен был добиться для нас справедливых условий сделки. На поле мы все были соперниками, но теперь вдруг стали работать вместе и искать решения.

Благодаря своему тестю я знал гораздо больше обо всех этих тонкостях, чем остальные игроки. Кор и я были далеко впереди всех по этой части. Комитет игроков также стал для нас хорошей возможностью поделиться опытом с другими. Мы быстро сошлись во мнении, что главное – это не то, кто больше всех заработает, а то, что деньги получит весь коллектив. Иными словами: что подходит одному, должно подойти и другому. Все должны получить одинаковый предварительный гонорар, а все, кто будет играть в матчах, получают бонус за проведённые игры. Те, кто сыграет больше всех, получают больше всех призовых. Это было в каком-то смысле новаторским подходом, но в конечном итоге коллектив от этого только выиграл.

Другой проблемой стало то, что у меня был спонсорский контракт с компанией-производителем спортивной экипировки Puma, а это означало, что по ходу чемпионата мира я не мог носить никакую продукцию, произведённую их конкурентом Adidas. До той поры сборная Нидерландов носила форму без каких-либо логотипов, но на чемпионате мира должна была играть в экипировке с тремя полосками – фирменным знаком Adidas. KNVB подписала контракт с Adidas, не уведомив об этом игроков. Там решили, что в этом нет нужды, ведь футболки-то их. «Но голова, из неё торчащая-то, моя», – сказал им я. В конечном счёте они убрали с моего комплекта формы одну полоску, сделав его вновь нейтральным.

Все эти организационные моменты за пределами поля требовали какое-то время на то, чтобы к ним привыкнуть, потому что всё это было чем-то совершенно новым для нас, но вместе с этим это было фантастическое время, замечательное. Не в последнюю очередь потому, что в итоге всё сложилось удачно. Поиск путей и вариантов также сделал нас сильнее. По мере приближения турнира и с его началом мы стали замечать, что наш коллектив становится всё более сплочённым. И хотя мы все были игроками разных клубов, в сборной мы стали единой командой. Это стало очевидным во время нашего первого матча против Уругвая. Командный дух был виден невооружённым глазом. Конечно, у нас была вера в себя, вера в то, что мы можем добиться чего-то выдающегося, но, по правде говоря, мы не ожидали, что команда из южноамериканской страны, которую мы считали более опытной, титулованной и сформировавшейся футбольной державой, не сможет выдержать нашего темпа. Откровенно говоря,

нас самих поразил уровень нашего мастерства. Дома мы привыкли противостоять командам, которые отлично знали, как играют «Аякс» и «Фейеноорд». Но это был чемпионат мира, тут у наших соперников, как оказалось, не было ни малейшего понятия о нас. Они делали то, что мы бросили делать лет пять, а то и шесть назад.

С КАЖДЫМ МАТЧЕМ ВСЁ СТАНОВИЛОСЬ ЛУЧШЕ И ЛУЧШЕ, И ВСКОРЕ ЗА НАС БОЛЕЛ УЖЕ ВЕСЬ МИР.

Для нас то, как мы играли, было абсолютно естественным, но теперь наш Тотальный футбол начал вызывать восхищение во всём мире. Наш мощный, динамичный стиль игры концентрировался вокруг максимально эффективного прессинга соперника, как с мячом, так и без него. Защитники могли атаковать, а форварды защищаться. Целью было добиться того, чтобы каждый игрок команды был способен работать с мячом на половине поля соперника. Люди сочли такое зрелище фантастически интересным. Вдобавок наша игра улучшалась с каждым матчем, и это вселяло в нас чувство, что мы можем стать чемпионами мира.

На чемпионате мира того года участвовало 16 команд. Их разделили на четыре группы по четыре команды в каждой, и команды, занявшие первые два места в каждой группе, проходили во вторую стадию, где их снова собирали в группы, на этот раз две, А и В. Победители второго группового раунда разыгрывали кубок в финале, а занявшие вторые места в группах команды определяли, кто из них займёт итоговое третье место.

За исключением игры первого раунда со Швецией мы победили во всех оставшихся матчах группового этапа с большим перевесом. Уругвай, Болгария, ГДР и Аргентина – ни у одной из этих команд не было ни шанса против нас. Игра со Швецией завершилась вничью 0:0, и, как я сказал тогда сразу после матча, очень жаль, когда тебе не удаётся добыть положительный

результат при такой качественной игре. Но после той игры все говорили о другом, о финте, который я исполнил: так называемом «повороте Кройффа». Двигаясь вперёд, я уволок мяч за опорную ногу, мгновенно развернул своё тело и ускорился по направлению к мячу.

Этот поворот я никогда не исполнял и не отрабатывал на тренировках. Идея совершить его пришла ко мне спонтанно, потому что в тот момент игры это решение было лучшим в сложившейся ситуации. Такие импульсы проявляются, когда твои тактические и технические познания становятся так велики и объёмны, что ноги получают способность мгновенно делать то, что велит им голова. Пусть это даже не более чем секундная вспышка в мозгу. Я всегда применял такие финты. Никогда не делал их для того, чтобы выставить соперника в нелепом свете, а только потому что они были лучшим решением проблемы. Да, иногда я прокидывал мяч кому-нибудь между ног, но только если не было другого способа пройти этого соперника. Это полностью отличается от ситуаций, когда ты пробрасываешь мяч кому-нибудь в «домик» чисто ради веселья. Это меня раздражало, даже если подобное исполняли другие игроки.

И Нидерланды, и Бразилия – действующий чемпион – выиграли по две свои первые игры во втором раунде в группе А, а значит, последний оставшийся матч между нами в группе был, по сути, полуфиналом чемпионата мира. Для меня та игра стала высшей точкой турнира. Помню её яснее, чем финал. Мы превзошли действующих чемпионов мира на классе и по всем статьям. Как в плане техники, так и в плане скорости и креативности. Мы были лучше во всех отношениях.

Победа 2:0 стала триумфом как для команды, так и для меня персонально. Мой гол, сделавший счёт 2:0, позже был назван лучшим голом турнира, но, кроме того, он стал олицетворением ценностей Тотального футбола. Наш левый вингер Роб Ренсенбринк опустился ниже, чтобы получить мяч от Руда Крола, левого защитника. Затем Ренсенбринк запустил Крола пасом в свободную зону, а тот, добежав до боковой линии, навесил мне, после чего я ударом с лёта направил мяч под ближнюю штангу. Вся комбинация и её завершение до сих пор выглядят фантастически, смотреть этот гол – одно удовольствие.

Но чего никогда нельзя делать, это давать мячу после удара в створ пролетать сквозь твои ноги.

Несмотря на то что многие люди считают этот матч одним из лучших в истории чемпионатов мира, мы знали, что на начальных стадиях турнира были ещё далеки от своей лучшей игры. Понятное дело, против нас играла сама Бразилия. Чемпионы мира и, если говорить об уровне их техники, лучшие люди футбола. У них играли все эти знаменитости: Жаирзиньо, Ривелино, Паулу Сезар... Поначалу на нас это тоже произвело впечатление, мы были немного ошарашены – пока игра не началась и мы не превзошли бразильцев в их же игре. В техническом плане обе команды были очень сильны, но мы к тому же могли играть на высокой скорости. В этом и заключалась разница. Наша способность играть на скорости была гораздо, гораздо выше.

Поле тоже было важной деталью игры. Бразильская трава кардинальным образом отличалась от травы на европейских газонах. Мы это знали. Особенно заметно это было, когда мяч оказывался внизу. В Германии трава на поле была короткой, тонкой и сухой, тогда как в Бразилии она традиционно длиннее, толще и сочнее. Этот фактор оказал влияние на скорость перемещения мяча; он может сделать очень существенную разницу. К счастью для нас, мы играли в Германии, а не в Южной Америке, а значит, покрытие на поле давало преимущество нам.

Вдобавок сборная Бразилии переживала переходный период. Их игроки были заняты переходом от старого стиля игры, построенного на чистой технике, к новому, представлявшему собой сочетание техники и физической мощи. Основанием нашего успеха была техника, а всё остальное было завязано на правильном выборе позиции и поддержке друг друга. Хорошая позиционная игра означала, что бегать так далеко не придётся, а значит, техника могла чаще выходить на первый план. Несмотря на несколько неважное начало, мы справились с ними в

первой фазе игры и на перерыв смогли уйти при счёте 0:0. Я уже заявлял до этого, что мы с нетерпением ждём матча с Бразилией, и во втором тайме мы показали почему. Нам повезло, что мы не пропустили в нескольких эпизодах в начале первого тайма, но после того, как дурацкий испуг сошёл, мы начали играть в свой лучший футбол вообще.

К несчастью, ровно обратная ситуация приключилась в финале против Германии, действующего чемпиона Европы с Францем Беккенбауэром, Гердом Мюллером и Паулем Брайтнером в составе. Эти трое, как, впрочем, и многие другие в составе их команды, выступали за мюнхенскую «Баварию», которая была лучшей командой Европы того времени и которой совсем недавно покорился первый из трёх подряд Кубков чемпионов. Если бы мы подготовились к матчу с ними так же, как они, или так, как к игре с Бразилией, всё могло сложиться в нашу пользу. Но после победы 2:0 над действующими чемпионами мира все были так расслаблены и удовлетворены собой, что следующий матч как будто потерял значение.

Это был классический случай поговорки «гордыня до добра не доведёт». Как только ты проходишь за точку самоуверенности, тебе становится чрезвычайно трудно повернуть обратно. В игре с Германией после быстрого забитого гола – мы тогда сделали друг другу что-то около шестнадцати передач, ни разу не отдав мяча немцам, после чего забили гол с пенальти – мы стали создавать один момент за другим. Потом они сами реализовали пенальти к перерыву, а в конце матча мы никак не смогли помешать Герду Мюллеру забить гол, сделавший счёт 2:1 в их пользу. Мы думали, что обязательно выиграем, но, как ни старались, не могли протолкнуть мяч в сетку ещё раз.

На всём протяжении матча все наши игроки то оказывались на месте слишком рано, то слишком поздно – и никогда вовремя. Мы просто не выложились на 100 %. Разумеется, можно играть весьма недурно и при 95 % усилий, но если твой соперник показывает свою лучшую игру, ты рискуешь оказаться вторым везде и всюду, на каждом участке поля.

Иногда матчи проигрываются в головах. Только взгляните на пропущенные нами голы. Вим Янсен бросается в подкат, после которого назначается пенальти, а Руд Крол не может свести ноги вместе в эпизоде со вторым голом. Этот последний гол очень точно характеризует нашу игру в этом матче. Многие люди полагают, что при защите всё, что нужно делать, – это всякий раз подальше выбивать мяч. Но искусство игры в обороне также предполагает понимание того, когда необходимо дать вратарю шанс сделать сэйв.

Но чего никогда нельзя делать, это давать мячу после удара в створ пролетать сквозь твои ноги. Тогда вратарь никак не сможет спасти ситуацию. Такую ошибку видишь на футбольных полях каждый уик-энд. Вратарь может закрыть лишь пять из семи метров ворот, так что, будучи защитником, ты обязан суметь закрыть два оставшихся метра их ширины. Стоит тебе только отдать сопернику эти два метра – и всё, вратарь выглядит как полный идиот. Форварды часто ждут, когда защитник даст им возможность пробить сквозь его ноги. В четырёх таких случаях из пяти непременно случится гол, потому что голкипер полагается на своего защитника, надеясь, что он закроет ту часть ворот, что осталась неприкрыта вратарём. Вот почему никогда нельзя давать сопернику пространство. Этот аспект игры до сих пор очень слабо отлажен у очень многих команд. Мы в финале так и не заиграли, и гол Мюллера оказался победным. Разумеется, когда всё было кончено, нас охватило чувство невероятного разочарования. Ты знаешь, что ты – лучший в мире, но приз победителя достаётся другим.

При этом я довольно быстро переварил это поражение. Строго говоря, оно не стало для меня таким уж ударом. Куда важнее была огромная волна позитива в наш адрес за игру, которая вызывала восхищение у людей по всему миру. Почти каждый, кто не был немцем, считал, что мы должны были победить. В финале мы не выдали лучший перформанс, но зато послужили примером для миллиардов людей. Кроме того, мы подарили надежду всем игрокам, которые были, как я, далеко не большими и не сильными. Целая философия того, как нужно играть в футбол, подверглась изменениям по ходу того турнира.

Эта философия была на самом деле очень простой и остаётся таковой сегодня. Вот есть мяч, и либо он у тебя, либо у соперника. Если он у тебя, они не могут забить. Если хорошо обращаешься с ним, то шанс на положительный исход выше, чем шанс на провал. Это смещает акценты в сторону качества игры и техники, тогда как раньше упор всегда делался на борьбу и тяжёлую работу на поле.

Чемпионат мира для меня прошёл на высокой ноте. Всё внимание было сконцентрировано на мне, но я также нёс на плечах самую большую ответственность. К счастью, меня все поддерживали, и, говоря откровенно, всё для меня прошло очень легко. Пресс-конференции и вся эта болтовня никогда не виделись мне большой проблемой и не казались утомительной формальностью. В конце концов ребята из команды порой говорили мне: «Давай покороче, чтобы мы могли убраться отсюда побыстрее».

Посему все эти басни о том, что я якобы сказал после турнира, что этот чемпионат мира будет последним для меня, так как поражение в финале было слишком тяжёлым ударом, полный вздор. Это решение я принял позднее и по совершенно другим причинам. Во время чемпионата мира я постоянно чувствовал прилив адреналина, а значит, никакого стресса не испытывал вовсе. Не забывайте, что мы выигрывали много матчей и почти не знали разочарований. Даже в самом коллективе всё было позитивно, такая атмосфера стала результатом того, что от футбола мы все получали искреннее удовольствие.

Нам пришлось впервые в жизни столкнуться с нелицеприятной критикой в прессе. Перед самым финалом турнира бульварная немецкая газетёнка Bild-Zeitung опубликовала фотографии и репортаж о том, как голландские игроки веселились с голой немкой в бассейне нашего отеля. Якобы я тоже там был, и Данни об этом узнала. Позже журналистам удалось вытянуть несколько цитат из некоторых наших резервистов, которые сообщили им, что в преддверии финала я долгие часы разговаривал по телефону со своей разъярённой женой. Это событие стало чем-то совершенно новым для меня в мире профессионального футбола: СМИ пытались манипулировать ситуацией. Вот только меня это совершенно не тронуло. Даже годы спустя, будучи тренером, я никогда или очень редко позволял публичности как-то влиять на меня, и я определённо не дал бы ей это сделать перед финалом чемпионата мира. Обвинения в том, что мы сыграли плохо, потому что я был отвлечён этой историей, – чепуха. Полный бред. Что же касается правды, то Данни в тот момент пребывала в нашем втором доме в горах неподалёку от Андорры, а там даже телефона не было, так что мы никак не могли с ней контактировать, не говоря уже о том, чтобы ругаться долгие часы. Только после финала я смог поговорить с ней и рассказать, как подобные сплетни могут жить своей жизнью.

Вот есть мяч,
и либо он у тебя,
либо у соперника.

В наши дни вечно гоняющаяся за сенсациями и грешащая неточной подачей информации пресса уже давно, к сожалению, стала неотъемлемой частью игры, но на нашу игру она тогда не оказала никакого эффекта. Истинные причины нашего поражения в финале просты. Мы упустили слишком много моментов, Зепп Майер провёл матч всей своей жизни, защищая немецкие ворота, а Германия получила право на пенальти несправедливо. Несмотря на поражение и ложь в прессе, чемпионат мира до сих пор остаётся приятным воспоминанием для меня. Иногда бывает так, что ты не поднимаешь над головой трофей, но тебя все равно считают победителем. Куда бы я ни отправился, в какой бы части света ни оказался, люди всегда хотят поговорить со мной о команде тех лет. Думаю, что мы заслужили больше похвалы и уважения на том турнире, чем большинство команд, становившихся чемпионами мира. И я этим горжусь.

Чемпионат мира превратил нас всех в культовые фигуры по всему миру. Людям был по душе наш имидж смелой бравады. Наша сила крылась в нашей честности. Мы не притворялись; такими мы на самом деле были. Голландцы по рождению, амстердамцы по характеру.

Кроме того, во мне стали видеть человека, задающего тренд. Всё больше и больше людей стало обращать внимание на мой внешний вид, на мою одежду, на то, какая у меня была причёска. Это всё влияние Данни. С ней я проводил больше всего времени. И чтобы сразу прояснить, я никогда сам не покупал себе одежду. Я понятия не имел о том, как её надо выбирать. Я не обращаю внимания на цвета, вообще ни на что в том, что касается одежды. Я просто хватаю то, что ближе всего оказывается ко мне в гардеробе. Я даже не в курсе, сочетается ли то, что я надел, или нет. Без понятия. Вот почему я никогда не беспокоился о своём внешнем виде. То же касается и волос. Я отращивал их, потому что Данни так нравилось. Я не мог ещё равнодушнее относиться к тому, как выгляжу, — дальше уже некуда. И хотя я был игроком сильных клубов, выигрывавших трофеи, по-настоящему звёздный статус я обрёл только после того чемпионата мира. Всё, что я делал и о чём думал, внезапно приобрело смысл. И стало интересно не только людям в Голландии, но и во всём мире. Это влияние турнира до сих пор часто удивляет меня.

Чемпионат мира 1974 года оказался особенным не только для меня одного, он стал важной датой в истории нации. То, что началось в «Аяксе» в 1965 году, получило всемирное признание в 1974-м, когда Нидерланды показывали лучший футбол в своей истории. К сожалению, жизнь такова, что после взлётов двигаться дальше можно только по наклонной.

Несмотря на фантастический опыт, полученный на турнире 1974 года, и высокий уровень футбола, что я показывал в последующих сезонах в «Барселоне», я принял решение не ехать со сборной на ЧМ-1978. Поначалу я сомневался, хотя всегда думал, что закончу с футболом в 1978 году. Если спросите у меня, почему я так решил, отвечу, что не имею ни малейшего понятия. Перестать играть в 31 год казалось мне отличной мыслью ещё с тех пор, как я был ребёнком. Поэтому, как мне кажется, я и решил, что не буду в достаточной мере подготовлен ментально, чтобы заслужить место в составе сборной на чемпионат мира, ведь осознание того, что после него всё закончится, не покидало меня. После разочарования на Евро-1976, когда мы столкнулись с Чехословакией в том кошмарном полуфинальном матче, сомнения начали крепнуть. Позитивные предчувствия вернулись ко мне в 1977 году. Голландская сборная провела несколько великолепных матчей против Англии и Бельгии, и я всерьёз начал задумываться над перспективой отправиться в Аргентину в составе столь сильной команды.

Потом случилось кое-что ужасное. Было 17 сентября, я находился дома в своих апартаментах в Барселоне, смотрел по телевизору баскетбольный матч, как вдруг мне кто-то позвонил в дверь: показалось, что приехал какой-то курьер с посылкой. Когда я открыл дверь, мне в лоб уткнулось дуло пистолета, а человек приказал мне лечь на живот. Все родные были дома. Дети были у себя в комнате, а вошедший человек приказал лечь на пол и Данни.

НЕСМОТРА
НА ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
ОПЫТ, ПОЛУЧЕННЫЙ
НА ТУРНИРЕ 1974 ГОДА,
И ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ
ФУТБОЛА, ЧТО Я ПОКАЗЫВАЛ
В ПОСЛЕДУЮЩИХ СЕЗОНАХ
В «БАРСЕЛОНЕ», Я ПРИНЯЛ
РЕШЕНИЕ НЕ ЕХАТЬ СО
СБОРНОЙ НА ЧМ-1978.

Я попытался поговорить с ним. «Вам нужны деньги? Чего вы хотите?» Он связал меня и привязал верёвкой к мебели. Чтобы сделать это, ему пришлось ненадолго положить пистолет, и в этот момент Данни вскочила и выбежала из комнаты, а потом и из здания. Ублюдок побежал за ней. Я смог высвободиться и схватил его пистолет, чтобы он сам больше не смог до него добраться. Было столько криков, что жители всех соседних квартир в комплексе начали открывать двери. Он быстро сбился со следа Данни.

Позже около нашего дома был обнаружен фургон с лежавшим внутри матрасом: всё указывало на то, что он планировал совершить похищение, что было не редкостью в те годы в Испании. Я ничего не знаю о его мотивах, да мне и не было интересно. Я никогда не пытался выяснить. Важность имело только одно – то, что этот человек убрался из нашей жизни.

Следующие шесть месяцев или около того были ужасным временем. Мы жили под постоянной полицейской охраной. Когда я путешествовал, когда отводил детей в школу, когда шёл

тренироваться или играть за «Барселону», рядом со мной всегда были люди, рядом постоянно кто-то находился. Поблизости всегда можно было найти полицейскую машину, как, впрочем, и в зеркале заднего вида – меня всегда сопровождали. Каждую ночь полицейские спали в нашей гостиной. Атмосфера была невыносимая. Просто нереальная. Напряжение было так велико, что я больше не мог с ним справиться. Я не мог даже облегчить своё бремя, поговорив с кем-нибудь. Полицейские всё повторяли и повторяли мне: пожалуйста, не надо об этом распространяться, иначе другие психопаты сочтут это за инструкцию к действию.

В подобной ситуации было невозможно ехать на другой конец света, оставляя семью на восемь недель предоставленной самой себе, так что в Аргентину со сборной Голландии я ехать никак не мог. Если играешь на чемпионате мира, ты должен быть полностью сконцентрирован. Если нет, если тебя одолевают сомнения или отвлекают посторонние мысли, тогда тебе ехать не стоит. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Тренер сборной Эрнст Хаппель позвонил мне в Барселону, чтобы обсудить мой уход из команды, но я ни секунды не колебался, общаясь с ним. Поскольку мне было приказано молчать по поводу попытки похищения, я сообщил Хаппелю, что моя физическая форма и психологическое состояние не на том уровне, чтобы я мог выступать на столь важном турнире. Не думаю, что мои слова показались ему убедительными, ведь чемпионат мира – это совсем другой уровень. Выдающийся спортсмен, каким был Хаппель, наверняка считал, что упускать такой шанс – ошибка с моей стороны, но я не мог рассказать ему всех подробностей. А потом началась кампания «Верните Кройффа в сборную». Мне приходили целыми мешками письма с просьбами от голландских болельщиков, умолявших меня передумать и поехать с «Оранже» на Мундиаль. Но безопасность моей семьи была для меня на первом месте, так что мне было совсем не трудно настоять на своём. После попытки похищения я никогда ни секунды не сомневался в том, что не должен ехать в Аргентину. Это даже не обсуждалось. Любой, кто решил бы оставить свою семью в подобных обстоятельствах, сумасшедший.

К несчастью, последствия попытки похищения ещё долгое время портили нам жизнь. В Валенсии была похищена девочка, и мы с Данни слышали, что преступники были в курсе, что у нас есть дети, и намеревались явиться к нам с «визитом». Так что для собственной безопасности мы приобрели двух доберманов-пинчеров, и всей семьёй прошли инструктаж по правильному обращению с собаками. Полиция советовала нам избавиться от них, потому что «только представьте, что произойдёт, если они набросятся на незваных гостей». Я ответил им, что именно для этой цели и завёл собак.

В конечном счёте я пропустил чемпионат мира по целому ряду причин. И сейчас, в ретроспективе, кажется, что из-за этого я упустил шанс завершить карьеру на пике славы. Когда Нидерланды вновь дошли до финала, ВВС пригласила меня отработать финал в качестве приглашённого эксперта. В студии мне пришлось нелегко. Уступая в счёте с 38-й минуты в очень жёсткой и грубой игре, мы не получили от судьи стопроцентный пенальти во втором тайме, сравнивали под конец матча и попали в штангу на последней минуте игры, но лишь для того, чтобы в дополнительное время пропустить дважды и проиграть 1:3.

Смотришь такой матч, и в голове постоянно проносится мысль: если бы я был на поле, моя карьера могла завершиться выигрывшем Кубка мира. Если бы я только был там, если бы только оказался на поле! Такое со мной нечасто случается, но в тот момент подобные мысли захватили моё сознание. Чувство, что я мог достигнуть чего-то значимого, если бы оказался вместе с остальными на поле, но при этом осознание того, что для достижения этой цели мне пришлось бы оставить свою семью. А на такое я пойти не мог.

Выиграли бы мы тот матч, если бы я оказался на поле? Честно говоря, думаю, что это было вполне реально. Поскольку мои игровые качества, даже на тот момент моей карьеры, все равно могли сослужить хорошую службу команде. Мы доказали это годом ранее на «Уэмбли», когда обыграли Англию 2:0, и газеты на следующий день вышли с заголовком: «Зрелище

тотального футбольного наслаждения». Фантастическая фраза, которую я никогда не забуду. У меня даже было ощущение, что мы как команда были чуть сильнее, чем в 1974 году. Я мог войти в её состав, но принял решение не делать этого. Тогда в студии BBC я думал: «Чёрт подери, я бы очень хотел там оказаться». Это было очень странно и довольно грустно.

Поскольку истинная причина моего отсутствия в заявке сборной должна была храниться в тайне, моей жене вновь пришлось несладко. Та нелепейшая история о телефонном разговоре перед финалом 1974-го повторилась в 1978-м, когда кто-то начал распространять лживые слухи о том, что это Данни – злой гений, стоявший за моим отказом ехать в Аргентину. Это, и правда, невероятно. Если среди жён футболистов и была та, кто никогда не жаждала публичности и всеобщего внимания, то это Данни. Но её продолжали обвинять во всех возможных грехах. Я молчал об этом на протяжении десятилетий, но слухи и обвинения продолжали регулярно всплывать. Словно нашу семью постоянно «награждали» пощёчинами. Спустя почти тридцать лет, когда все дети уже покинули родной дом, я решил рассказать всем правду. Именно так всё было. Всё хранилось в тайне ради нашего блага. Но даже спустя все эти годы я по-прежнему держу ухо востро, где бы я ни был, на тот случай, если пресса подслушивает. У меня даже развилась фобия – я стараюсь не открывать рот в своём доме. Мне пришлось учиться как-то с этим справляться, так уж вышло.

Глава четвертая

Интеграция

Я выступал за «Барселону» на протяжении пяти лет, с 1973 по 1978 год. За это время я привязался к клубу, а также к каталонцам. Это чувство только окрепло, когда десять лет спустя я стал тренером «Барселоны», а наша семья переехала в Каталонию насовсем. Первый мой сезон в клубе в качестве игрока вышел великолепным, как я уже говорил. Колоссальное волнение в среде болельщиков, которое вызвал мой приход в команду, разгром «Реала» 5:0, выигрыш чемпионского титула, а затем очень успешный персонально для меня чемпионат мира. Ожидания от «Барселоны» и вокруг неё всегда были очень высокими, но после титула 1974 года мы больше не выигрывали чемпионат, пока я играл в «Барсе», а Кубок короля нам не покорялся вплоть до моего прощального сезона в клубе.

Чем дольше я играл в Испании, тем отчётливее понимал, насколько важная часть отводилась в футболе политике. Начнём с того, что я никогда не следовал «партийной линии», как это делали другие игроки. Другие, но только не я. Я амстердамец, который говорит то, что думает. В годы правления Франко и в период, последовавший сразу за его кончиной, это было непривычно для Испании. Арманд Карабен, каталонский националист, входивший в состав совета директоров «Барселоны» в то время, считал, что такое моё отношение к происходящему замечательно. Тогда я не слишком-то раздумывал обо всём этом, но впоследствии я осознал, что он использовал мой образ как часть вклада клуба в набиравшую обороты борьбу Каталонии за независимость от правящей элиты Мадрида. Будучи знаменитым на весь мир иностранным игроком, я был абсолютно неприкасаемым, а значит, мог время от времени провоцировать Франко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.